

ПРОГРЕССОР КАМЕННОГО ВЕКА

АЛЕКСАНДР АБЕРДИН

СИЛА
ВЕДЛОВ

Прогрессор каменного века

Александр Абердин

Сила ведлов

«Центрполиграф»

2011

Абердин А. М.

Сила ведлов / А. М. Абердин — «Центрполиграф»,
2011 — (Прогрессор каменного века)

Митяй Мельников прочно обосновался в прошлом. Ценой невероятных усилий, в одиночку, он создал на том месте, где в далёком будущем возникнет его родной город, очаг цивилизации. У него появились ученики – олроды, люди не умеющие ведловать на охоте, но отличающиеся поразительными способностями к обучению, труду и творчеству. Благодаря встрече с местной девушкой, ведлой-охотницей, он научился сначала от неё, а затем от другой ведлы – старой Каныши ведловству и стал ведлом сам. Вскоре выяснилось, что ведловство не только помогает охотникам, но и является мощной созидательной силой, если ведл найдёт свои говорящие камни, и в сочетании с научными знаниями способно творить настоящие чудеса. То, на что у обычных людей уходило многие столетия, стало возможным осуществить за считанные месяцы, и Митяй вместе со своими учениками начал создавать ведловскую цивилизацию. Уже очень скоро он собрал вокруг себя тысячи ведлов, и настал такой день, когда Отец народа Говорящих Камней вместе с ними отправился в длительную экспедицию, чтобы объехать всю Землю и, пока способности к ведловству не утеряны, дать всем древним людям новые знания.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Абердин

Сила ведлов

Глава 1

Говорящие камни Митяя

Митяй лежал на горячем песке, поглаживая уже чуть-чуть округлившийся, как ему казалось, животик жены, и смотрел в ярко-синее небо. Волны Каспийского моря мягко набегали на берег и с тихим шипением омывали его ноги почти до середины бёдер. И он, и Таня загорели за минувшее лето почти дочерна. Приближалась середина сентября. Наступило время возвращаться домой. Они провели на берегу моря почти три недели, – так им здесь понравилась эта тихая безмятежность. Погода все эти дни стояла великолепная, и они с утра до вечера купались в чистой тёплой воде. Для полного антуража не хватало только пальм на берегу, но их с успехом заменяли огромные сосны. Рядом с их лагерем впадала в море Кума, так что с пресной водой недостатка они не испытывали.

Спустившись к Каспию по широкому и полноводному Тереку, они проехали вдоль берега моря, переплывая на Шишиге через множество рек, до Кизлярского залива, переправились через Куму и встали лагерем на её правом берегу, чтобы провести здесь несколько дней, да задержались, – так им тут понравилось. До этого они проехали и проплыли по многим рекам добрых две с половиной тысячи километров, и везде Митяй осматривал галечники в поиске своих говорящих камней, но тщетно.

Зато он набрал целый ящик самых различных кристаллических минералов, подбирая парные, и всё это тоже были говорящие камни, вот только не его. Кому-то из ведлов они точно прилипнут к рукам и вспыхнут ярким светом, повинаясь их внутренней энергии, тут даже к бабке не нужно ходить, только Митяю с того не было никакого проку. Почти никакого. С азартом раскалывая глыбы и вороша киркой и ломом галечники, он, к своему удивлению, научился и без говорящих камней проникать в душу практически любого камня и даже наловчился разыскивать под слоем песка не только камни, но и самородные медь, серебро, золото, железо и некоторые другие металлы. Уже через полтора месяца у него выработался на них просто собачий нюх и рентгеновское зрение. Впрочем, нельзя сказать, чтобы он видел что-то в камне или под землёй. Скорее, он представлял перед собой зрительный образ валуна, участка галечника или залежей песка и глины. А ещё Митяй научился определять такие места на каменной глыбе, одного-двух не самых сильных ударов молота по которым хватало, чтобы та раскололась именно так, как нужно ему, а не хочется камню. Этот приём он назвал раскрыванием камня и раскрывал любую глыбу на раз.

Он нашёл на раскрытых ладонях рек и собрал более полутора тонн всяких минералогических редкостей, но не свои говорящие камни. Зато научился творить настоящие чудеса даже без них и, самое главное, – заставлять камни ходить, беря небольшие обломки камней той же породы и постукивая ими друг о друга в определённом ритме. Научилась делать то же самое и Таня, только с помощью своих говорящих камней. Она превратила их в два каплевидных кабошона длиной шестнадцать сантиметров и шириной в одиннадцать, более густо окрашенные с узкой стороны и светлее в широкой части, и носила один камень выше груди, а второй ниже, так что они почти соприкасались узкими концами. Никаких цепочек ей для этого не требовалось. Говорящие камни прилипали к её коже намертво, и только она одна могла их от себя отцепить. С аметистами на теле Таня бегала, прыгала, купалась в море, и они даже не шевелились на её сильном теле. Хотя кабошоны и имели в толщину по три сантиметра, это

совершенно не мешало им заниматься любовью. Митяю нравилось целовать Танины говорящие камни, отчего ту словно электрическим разрядом прошивало. Пожалуй, если бы он занимался любовью с Ольгой, то гораздо раньше смог бы постичь тайны говорящих камней и понять принцип их действия.

Говорящие камни не были простыми украшениями. Найдя своего ведла, они, по сути, становились чем-то вроде тех же внутренних органов человека – сердца, почек, печени и всех остальных, но имели совсем иную функцию. Они работали как мощные трансформаторы биоэнергии. С их помощью Таня могла заряжать аккумуляторы и заставить электрическую лампочку вспыхнуть и гореть несколько часов подряд. Митяй как-то, проделав кое-какие расчёты, прикинул её мощность и присвистнул от удивления: та составляла порядка десяти киловатт, но это было уже больше двух месяцев назад. Правда, из-за этого Таня не превратилась в злодея по прозвищу Шаровая Молния из старого кинофильма или в электрического ската. Просто теперь она могла запитывать электричеством, черпая его извне, любые электрические машины, но это требовало большой концентрации. Поэтому Митяй предпочитал всё-таки эксплуатировать генератор и аккумулятор Шишиги для освещения, а не свою жену.

Куда больше его радовало то, что в ней проснулся талант инженера-электронщика и электротехника. Он взял с собой в эту поездку Тошибу со всем своим электронным архивом, а потому Танино обучение, как и его собственное, продолжилось и продвигалось очень успешно. Впрочем, это были далеко не единственные её таланты, и теперь она мечтала как можно скорее вернуться домой. Митяй тоже. Его, как и Таню, тянуло к самым разным мастерским, чтобы воплотить в жизнь некоторые свои новые задумки. Жаль только, что он так и не нашёл своих говорящих камней. С ними бы он смог сделать намного больше, так как теперь понимал, какая огромная сила сокрыта в человеке, и знал, как её направить в нужное русло, чтобы она превратилась в созидующую Силу. Нельзя сказать, что с помощью говорящих камней ведл может свернуть горы, изменить течение рек и осушить моря. Зато теперь Митяй точно знал, что Таня со своими говорящими камнями, да ещё с Игнатом и его командой железного дела мастеров в два месяца не только построит небольшую электростанцию, но и наделает электролампочек, ведь вольфрам у них теперь был, хотя и в небольшом количестве, а там, глядишь, у них и радио появится. Дело ведь не хитрое. Электричество, однако.

О своих говорящих камнях Митяй ничего не знал ровно до тех пор, пока они не добрались до Каспия. Когда же он искупался в водах этого моря, началась сплошная чертовщина, чуть ли не сводящая его с ума. Ему стали сниться его говорящие камни и то, какую форму они обретут на его мозолистых ладонях. Более того, малость пораскинув мозгами – а природу своих говорящих камней Митяй определил сразу же – это были изумруды, – он понял, с чем это связано. В Каспийское море впадали Волга и Урал, а их воды несли информацию об Уральских горах и их богатом содержимом. Поэтому, как только Митяй – он уже стал достаточно опытным ведлом – окунулся в воды Каспийского моря, то сразу же интуитивно считал эту информацию. Более того, он даже знал, где они лежат, в какой глыбе, и дожидаются его – неподалёку от Екатеринбурга на берегу небольшой реки, вытекающей из горного озера и впадающей в реку Чусовую. Признаться, когда он разобрался с информацией, то малость опешил, ведь до Урала с Северного Кавказа было пилить не одну неделю, а отправляться в экспедицию за своими говорящими камнями на одной Шишиге опасно. Тут нужно ехать минимум на трёх машинах, чтобы одна везла на себе топливо для двух остальных и для себя. Желательно также взять с собой мотоцикл, тогда он сможет проехать в труднодоступные места. Так что выехать в эту экспедицию Митяй мог только года через три, а потому постарался как можно быстрее погасить огонь, вспыхнувший в его груди.

Однако внутри у него полыхало не слабо. Честно говоря, он был готов отправиться на Урал прямо сейчас, да солярки не хватит, и это его сразу же остановило, а когда он понял, что ему всё равно нужно вернуться в Дмитроград, то включил мозги и стал быстро остужать своё

нетерпение. Если до минувшей ночи во время сна перед ним всплывали какие-то неясные, порой просто туманные образы, то сегодня он отчётливо и ясно не столько увидел, сколько понял, куда ему нужно ехать, где искать и как добыть свои говорящие камни – два огромных изумруда чуть ли не по полкило каждый. Увидел он и то, во что они превратятся, сбросив с себя скорлупу шестигранной, призматической оболочки, – в два правильных эллиптических кабошона размером на четверть меньше его ладони, испускающие во время работы яркие зеленовато-золотистые лучи. Да, говорящие камни, когда ведл посылает в них инстинктивно или осознанно свою энергию, могут светиться ярким светом, но они же могут создавать ещё и довольно мощные силовые поля, а также испускать тонкий луч, словно рубиновый лазер. Вот такие они были, говорящие камни.

Хотя Митяю и хотелось как можно скорее добраться до своего сокровища, он всё же не хотел превращать экспедицию на Урал в авантюру. У него лежало в будке добрых семьсот килограммов говорящих камней, и оставалось только найти их хозяев. О некоторых из этих камней, сложенных попарно в замшевые мешочки и обмотанных сухой травой, чтобы не бились друг о друга, он знал уже достаточно много, вплоть до того, кому они достанутся. Так, два больших куска обсидиана винно-красного, багровеющего изнутри на солнце цвета точно выберут себе Игната, а два кристалла кварца-волосатика, как пить дать, будут принадлежать князю Денису, широкой душе и рубахе-парню. Женские говорящие камни были более загадочными и таинственными, а вот мужские, как правило, бесшабашными и открытыми. Все они ждали своих хозяев, и, как только они воссоединятся, город молодых ведлов-мастеров Дмитроград точно засверкает яркими красками.

Уезжая в медовый месяц, Митяй нисколько не сомневался, что алары и даргалары и без него будут жить в мире и дружбе. В этом его в первую очередь убеждало то, как они жили раньше, а им были свойственны самопожертвование и взаимовыручка в трудных ситуациях, иначе ни одно, ни другое племя точно не выжило бы.

Всего лишь несколько лет назад их жизнь строилась по следующему принципу: три дня обжорства, десять дней впроголодь, пока не наступят холода. Вот тогда мясо, сложенное в холодном шатре и пересыпанное снегом и льдом, не будет протухать и не придётся есть его вонюче-вяленным, осмоленным над пламенем костра. Правда, зимой охотиться было намного труднее, и ведлам-охотникам не всегда удавалось подводить дичь близко к стойбищу, а в Первомайске такое случалось только тогда, когда Большая Лаба, заполнившая ущелье чуть ли не на четверть его глубины, покрывалась льдом. В племени после удачной охоты, когда охотники первыми наедались досыта, всё остальное мясо делилось поровну, как и шкуры, но зимой все самые тёплые и хорошо выделанные шкуры олроды без какого-либо принуждения отдавали охотниками, а сами закутывались в те, что поплоче. Если охотники вернутся без добычи, то плохо будет всему племени независимо от того, охотник ты, олрод, женщина или ребёнок. Но такое случалось редко, тогда, когда охоте мешали чёрные дарги или, того хуже, когда они убивали охотников.

Поэтому Митяй не волновался по поводу того, что сейчас происходит в Дмитрограде. Там «усё было пучком». Княгиня Ольга ведь занималась не одним только садом и огородом. Обретя говорящие камни, она сталаещё и отменной знахаркой, а поскольку её подопечные уже не травились чёрт знает чем, то хлопотать ей приходилось, только вправляя вывихи и залечивая небольшие раны и ссадины. Да и Митяй постарался, наготовив ей целую кучу самых простых, но действенных медикаментов, одного только перманганата калия он взял с собой целую двухлитровую банку. Впрочем, куда больше он всё же надеялся на настоящую, печатную книгу «Лекарственные растения Северного Кавказа», а также на дюжину книг по медицине, которые мать насильно сунула ему в машину вместе с докторским саквояжем и двумя большими, профессиональными аптечками врача из автомобиля скорой помощи. Со всеми этими спецсредствами Митяй ознакомил Ольгу в первые же дни. Он постоянно обращал внимание своих

учеников на технику безопасности, не уставая повторять им: «Чтоб травматизма не было, не разевай своё хлебло», и не стеснялся делать выволочку кому угодно, если где-то нарушали правила техники безопасности, говоря чуть ли не ежечасно: «Любое дело, даже самое тихое и спокойное, вроде разрисовывания стен, чревато опасностями», и в пять минут объяснял, что может случиться с художником, если тот не закрепит доску и полезет с красками под самый потолок.

Когда шло строительство жилья, Митяй не раз и не два выслушал в свой адрес хвалебные речи за то, что так мудро спроектировал жилища, и в них мог поселиться чуть ли не весь род полностью, но при этом как у стариков, так и у молодёжи имелась своя собственная, персональная просторная лёжка, отгороженная четырьмя крепкими стенами, одна из которых имела окно с двойными стёклами, а вторая – прочную дверь с засовом изнутри, где тебя никто не побеспокоит. Понравилось им и то, что помимо большого продовольственного склада в каждом доме имелись маленькие, и туда можно принести всё, что нужно.

Никаких товарно-денежных отношений внутри племени Митяй не вводил и вводить не собирался. Всё в Дмитрограде делалось сообща, согласно генеральному плану и в точном соответствии с техническими и материальными возможностями. Даже Шишига и та не считалась его собственностью, – если кому-то была нужна его помощь, то либо Игнат, но гораздо чаще двое других водителей садились за руль и ехали, куда нужно и за чем нужно, даже не интересуясь, зачем это нужно ведлам-мастерам. Князь Денис, хоть и рубаха-парень, был очень строг в первую очередь ко всяким задирам и забиякам и скор на расправу, а она у него была одна и та же – хочешь померяться с кем-нибудь силами? Пожалуйста, я всегда к твоим услугам, а петушиться и заирать других не смей, не то будешь иметь дело со мной.

Единственное, что беспокоило Митяя, так это то, как проводят своё свободное время строители. С остальными ведлами-мастерами было куда проще, их приходилось иной раз просто гнать из мастерских палкой, так они прикипели к новому интересному делу, открывавшему столько возможностей. Вообще-то стройка ещё была далека до завершения, но на добрых три племени с гаком жильё уже было построено, да и кое-какие заводики перенесли из Дмитрограда либо на высокий левый берег Марии, либо на правый берег Нефтяной, а тот тоже был в основном повыше Митяева острова, как частенько называл в последнее время Дмитрий Олегович свою большую латифундию. На левом берегу Нефтяной должен был остаться один только нефтеперегонный завод и строящаяся в лесу биофабрика по переработке навоза и прочих отходов с кухонь и из сортиров. Митяй горой стоял за хуторской образ жизни, и потому в самом центре города, на самой высокой точке широкой вершины холма, стояло рядом друг с другом всего пять домов, выстроившись как на той стороне игральной кости, которая обозначает пятёрку. Когда-то Митяй сдуру заасфальтировал весь двор и возвёл вокруг домов стену, хотя она-то не раз выручала его, но теперь княгиня Ольга быстро навела порядок. Большую часть асфальта раздолбили, строители вырыли котлованы глубиной в полтора метра и выложили по их краю из кирпича бордюры, затем туда завезли земли, и ещё по весне, до того как деревья стали просыпаться, но снег уже растаял, Ольга пересадила туда чуть ли не большую часть сада, перенося деревья с большим комом земли, так что Митяй уже мог любоваться их цветением, стоя у раскрытого окна. Вокруг цветущего сада всю кипела стройка, и иногда строители работали даже по ночам при свете больших нефтяных светильников.

Всех охватил трудовой энтузиазм и желание как можно скорее завести в город соплеменников, а точнее, соплеменниц. Тогда Митяю даже не приходилось думать о том, чем занять людей в свободное время, его едва хватало по вечерам на то, чтобы прочитать очередную сказку после ужина, после чего все ложились спать. Теперь же у всех обитателей города этого самого свободного времени было, скорее всего, хоть завались. После большой земляной охоты продовольственные склады, скорее всего, ломались от припасов, а картошка взошла так дружно

и мощно, что её хватило бы не на одну зиму, так ведь сгниёт же, но большая часть пойдёт на корм скоту и на крахмал. С рыбой и мясом проблем тоже не было.

Когда Митяй привёз домой Таню, то не подумал, чем будут заниматься люди в свободное время, и это его несколько беспокоило, но он во всём полагался на ведлов-мастеров и на то, что передал им прорву всяческой информации, и те, скорее всего, сейчас учили прибывших в Дмитроград на ПМЖ сородичей, а возможно, и другие племена. Во всяком случае, он уже ничего не мог поделывать и потому только изредка вздыхал.

Впрочем, у него имелся повод и для радости, который находился на крыше будки в большой клетке, изготовленной из дерева и двух рулонов сетки-рабицы, взятых в дорогу на всякий случай, – и такой подвернулся здесь, в низовьях Терека. Митяя чуть ли не до изумления поразили своими размерами здешние фазаны. Они были раза в полтора крупнее тех, на которых он несколько раз охотился в своё время. Даже если ведлы не смогут заставить их нестись, как домашних кур, которых держала бабушка Митяя, то всё равно их следовало разводить из-за вкусного мяса, и потому три дюжины серых молодых курочек размером с крупную курицу ехали вместе с десятью фазанами в Дмитроград. Оставалось только заставить фазанов нестись каждый день. Таня сказала, что справится с этим. Что же, теперь у них будет своя птицеферма, значит, пора подумать и о муке, если ведлы-каменщики, конечно, ещё не изготовили мельничные жернова сами и не подмяли под себя мукомольное дело. А что? Прекрасный, плотный наждак они в горах нашли довольно давно, нужные знания он им передал, так что теперь всё зависело только от их энтузиазма. Лепёшки любили все.

Вот о чём Митяй точно не жалел ни минуты, так это о том, что смылся в эту экспедицию так внезапно, можно сказать, едва сойдя на берег с борта «Татьяны» и даже не выслушав в свой адрес слов благодарности. Сделал он это только по одной причине – дать возможность Денису и Ольге почувствовать себя князем и княгиней в полной мере, без его опеки и подсказок, которыми он старался их не слишком перегружать. Ведловская сила людей каменного века, ранее позволявшая им всего лишь выживать в чуть ли не адских условиях, развиваясь по одному слову каждые сто лет, нашла себе совсем другое применение, и, что самое главное, он присоединил к ней только чистые знания, отфильтровав в них всё, что могло дать хотя бы намёк на войну, принуждение, подавление и корысть. Митяй таким образом как бы ставил социальный эксперимент и хотел посмотреть, что же из этого получится, могут ли чистые знания, переданные людям, чьё сознание не извращено всяческими религиозными и политическими доктринами, воспринять их, и что из этого в конечном результате получится. Он очень надеялся на то, что алары и даргалары не перегрызутся между собой. Пока что единственная корысть, которую он внёс в их жизнь, – это был выкуп за невесту, выплачивающийся её матери единственный раз в жизни, да и тот жениху выдавался князем и не был развращающе богат, но зато сопровождался пышным и торжественным ритуалом, а затем всеобщим пиршеством за свадебным столом. Наряды и украшения для невесты жених мог либо изготовить сам, либо пойти и взять в мастерской из специального ящика для подарков. Такой имелся даже на нефтеперегонном заводике, и в него ставили склянки с вазелином и парафиновые светильники, а теперь, наверное, ещё и изделия из каучука. Лишь бы не презервативы.

К изготовлению подарков ведлы-мастера относились очень серьёзно, и не всякий подмастерье мог сунуть в него своё изделие. Сначала оно проходило своего рода худсовет. Изготовление двух одинаковых украшений не приветствовалось, но все золотые украшения – а их делалось немного – сдавались непосредственно князю, и уже он передавал их жениху как самый ценный подарок. В принципе, это было в правилах как аларов, так и даргаларов, и ничего нового Митяй не придумал, а потому вряд ли в Дмитрограде появились стяжатели. Только две супружеские пары в городе имели очень большие квартиры, да и то одна семья была неполной.

Нет, личные вещи уже появились, то же охотничье оружие, которым охотники почти не пользовались, любимый инструмент мастеров и кое-какие предметы быта, но это ведь и

естественно. Спрашивается, зачем опасную бритву, которую можно пойти и в любой момент взять в кузнице, делать общей? Или баночку с вазелином, склянку с глицерином и горшочек с зубной пастой и ту же зубную щётку? Про это Митяй так всем и говорил в своих сказаниях: предметы личного пользования – это святое, и добавлял старинную латышскую поговорку, переделанную им на новый лад: бритву, лошадь и жену не дам в руки никому. Да, лошадей он тоже сделал точно такими же существами, как и собаки, вот только велел держать их не рядом с домом, а немного поодаль, в общей конюшне с отдельными денниками, где за ними присматривали профессионалы, хотя вряд ли тех охотников, которые решили стать конюхами, можно было так называть. Лошадь под седлом довольно быстро превратилась в самый удобный вид транспорта после Ижика.

Всё это Митяй уже видел и теперь гадал, что он ещё увидит после возвращения домой – идиллию или же всё-таки дымящиеся руины Дмитрограда, после чего будет впору пойти в лес и там повеситься? Сегодня с утра он рассказал Тане о своём сне, и та очень обрадовалась, что её муж, наконец, увидел свои говорящие камни. Однако ведла сразу же заметила, что мысль о них просто сжигает его изнутри, и тут же сказала, что он должен немедленно ехать за ними, но Митяй предложил сначала позавтракать, потом поплавать в море пару часиков, позагорать на солнышке, скоро ведь может и похолодать, а уже потому думать о том, куда им ехать – домой или за говорящими камнями. Немного подумав, Митяй всё же решил не гнать лошадей и не заниматься глупостями, а спокойно вернуться домой и самым основательным образом подготовиться к экспедиции на Урал. Более того, он уже решил, что ехать нужно не на трёх, а минимум на двенадцати машинах, чтобы по мере продвижения к Уралу находить новые племена и за уши вытаскивать их из каменного века к нормальной ведловской жизни, оставляя вместе с ними учителей и транспортные средства для регулярных поездок в Дмитроград и обратно. Если браться за дело, так с умом и по-крупному, не размениваясь на мелочи.

За всё время продвижения на юг, а они при этом поднимались ещё и вверх по рекам, побывав даже в таких местах, как Кисловодск и Тырныауз, где Митяй затарился молибденом и вольфрамом в виде рудного концентрата, и при этом даже не брал в руки кирки и молота – камни сами прыгали к нему, как лягушки, и потом ещё и крошились, им так ни разу и не попалось ни одно племя. Зато они видели немало временных стойбищ со следами разыгравшейся минувшей зимой трагедии. Большая часть чёрных даргов, судя по всему, ушла на юг, но самые слабые из этих странных диких и свирепых людей со смуглой кожей, старики, женщины и дети, были брошены на произвол судьбы и замёрзли. Митяй так и не смог понять, что привело их в эти края с юга, но прекрасно знал, что уходили они в лютую зиму, подгоняемые свирепым, ледяным северным ветром, и ему, несмотря ни на что, было их жалко. Хоть и дикие, а всё же люди, пусть даже не кроманьонцы, а неандертальцы, и к тому же какие-то неправильные, совсем не такие, про которых он когда-то читал. Даргсу тоже не были классическими неандертальцами. Поэтому, если ему удастся наладить вместе с Игнатом и его ведлами кустарное изготовление Шишиг, он обязательно отправится в экспедицию на Урал не за одними только говорящими камнями.

С такой мыслью Митяй встал с песка, взял Таню за руку и сказал:

– Всё, Танька, купаемся в море последний раз, ополоснёмся от солёной воды – ив дорогу. Нам пора ехать домой.

– А как же твои говорящие камни? – спросила Таня, для которой что сто километров, что десять тысяч было примерно одно и тоже, далеко. – Тебе нужно обязательно их забрать, Митяй, ведь ты теперь не сможешь спокойно спать.

– Нужно, – согласился Митяй. – Но не обязательно прямо сейчас. Никуда они от меня не денутся, девочка моя, и спать я буду спокойно. – Но всё же не выдержал и чертыхнулся: – Чёрт побери! Вот же невезуха! Все ведлы как ведлы, обходятся теми камнями, которые у них чуть ли не под ногами валяются, один я какой-то ненормальный, и камешки мои говорливые

у чёрта на куличках зарыты. Ладно, Танюха, как до них добраться, один я знаю, они глубоко зарыты, так что никто их не сопрёт. Едем домой и займёмся куда более важными делами. Они ещё раз вволю накупались в тёплых и ласковых водах Каспия, ополоснулись в более прохладных водах Кумы, оделись, плотно пообедали шашлыками из осетрины – Митяй вчера выудил весьма приличных размеров осетра, – собрались в дорогу и в половине третьего дня тронулись в путь по широкой бескрайней степи, поросшей высокой травой.

Здесь, южнее Апшеронска, Митяй и Таня повстречались с бухой-бухой, и не одной. Тут этих гигантских животных бродило немало. Бухой-бухой оказался самый обыкновенный эласмотерий, мифический единорог, огромное животное из рода носорогов. О, эти гиганты были настоящими красавцами! Светло-серые, покрытые длинной шерстью, весьма похожие в профиль на бизонов, только с одним рогом длиной в полтора-два метра. Некоторые самцы достигали в высоту почти трёх метров, в длину и вовсе шести с половиной и весили тонн под восемь, не меньше. Поменьше мамонтов, конечно, зато очень быстрые. Встречали они и другую буху-буху, даже повыше ростом, та достигала всех четырёх метров, но это были гигантские одnogорбые верблюды. Тоже довольно интересные животные с точки зрения их использования как тягловой силы. Как и все верблюды, неутомимые и способные преодолевать огромные расстояния, хотя и не очень быстрые, но недостаточную скорость могла компенсировать их огромная физическая сила.

На этих гигантов охотились столь же огромные хищники, причём такие древние, что Митяй даже не поверил своим глазам, увидев гигантских гиенодонтов здравствующими и вовсе не собирающимися откидывать хвосты. Они были размером с крупного тура и весили под тонну. Живущие небольшими стаями-кланами, как и все гиены тупорылые, с чудовищными челюстями, они не только питались падалью, но и охотились на всё, что шевелится, даже на степных мамонтов. Одно хорошо: их было всё-таки мало, но они и без того съедали окрест всю падаль, не оставляя от трупов животных практически ничего. Может быть, именно поэтому на побережье Каспийского моря они не встретили ни одного племени. С такими соседями под боком даже ведлам жизнь мёдом не покажется. Если у них, конечно, нет говорящих камней, которыми они научились пользоваться если не в совершенстве, то очень умело, как Таня. Вот ей были не страшны никакие гигантские гиенодонты, которые также вполне могли претендовать на роль страшной и ужасной бухи-бухи. Его жена своей ведловской силой и тираннозавра сумела бы остановить.

Поэтому Митяй ехал вдоль берега Кумы, ничего не опасаясь, ведь Таня сидела в кабине Шишиги и зорко посматривала по сторонам в бинокль. Её рубашка тонкой замши была растёгнута на три пуговицы, и аметистовый кабашон на груди слегка светился, и, может быть, поэтому Шишига бодро накручивала на колёса километр за километром. Гигантские эласмотерии предупредительно уступали им дорогу, а гиенодонты не бросались в погоню, так что Митяю только и оставалось, что выбирать ровную дорогу без ухабов, и это ему удавалось делать без особого труда. К вечеру они без малейших помех добрались примерно до Нефтекумска и остановились на ночлег.

На следующий день они с рассветом продолжили путь, и на четвёртый день около полудня Шишига, преодолев несколько неглубоких распадков – в будущем они станут более непроходимыми, – выехала на высокий бугор, и Митяй увидел радующую глаз картину – добрую половину своего генплана, воплощённую в хорошо обожжённом кирпиче, дереве, стекле, камне и даже местами асфальте. За лето, навалившись силами как минимум трёх племён, если не больше, жители Дмитрограда построили довольно большой город, привольно раскинувшийся в месте слияния двух рек, и даже заасфальтировали в его центральной части почти все дороги, а остальные посыпали щебнем.

Однако самым для него удивительным было то, что напротив города, на другой стороне Марии, через которую строители перебросили один деревянный мост и теперь строили второй,

они возвели целую промзону, и одних только водяных колёс Митяй насчитал двенадцать штук. Все те цеха, которые стояли вблизи Дмитрограда, включая его домну, они снесли, и на их месте теперь строились жилые дома с островерхими двускатными крышами, покрытыми черепицей. Каждый дом окружал большой сад, и хотя деревья были ещё маленькие, скоро они вырастут, и Дмитроград будет по весне утопать в цвету фруктовых садов. На улицах города Митяй не увидел празднующейся публики, кроме ребятишек постарше, никто не носился сломя голову по асфальтированным дорогам, дети помладше играли во дворах, похоже, что взрослое население города занималось своими взрослыми делами либо в небольших мастерских, построенных рядом с домами, либо в промзоне, либо на фермах, расположенных за городом.

Чуть ли не треть леса уже была вырублена, но лесорубы вели не сплошную рубку, а выборочную, пятнами, и в одном из таких пятен, весьма больших, Митяй увидел мамонтов, собравшихся возле здоровенной кормушки. Что же, теперь людям было чем кормить скотину, даже такую громадную. То-то переполошится Олег, когда узнает, что по степям вблизи Каспия бродят гиганты эласмотерии. О, он непременно соберёт команду охотников, они сядут на Шишигу и отправятся за ними уже через несколько дней, чтобы пригнать несколько десятков этих могучих единорогов, а возможно, заинтересуется и гигантскими верблюдами. Его вряд ли удержит даже то, что Митяй привёз ему говорящие камни – два кристалла голубого горного хрусталя. Для сельского хозяйства, где не нужны большие скорости, такие гиганты были гораздо предпочтительнее тракторов. Пара эласмотериев по силе точно равна табуну в сотню голов лошадей, если не больше, но, в отличие от трактора, им не нужны запчасти, если не считать «обувки» для трёхпалых копыт. Каждые два-три года самки будут давать приплод. Про длинную шерсть и массу навоза можно даже не говорить. Так что пахать землю и возить тяжёлые грузы лучше на них, и если уж изготавливать тяжелую технику, то одни экскаваторы и бульдозеры.

Порадовало Митяя и большое поле к западу от города, цветущее ярко-жёлтыми цветами. Под топинамбур запахали целых полторы тысячи гектаров земли, и теперь он вымахал в высоту не менее пяти метров, а значит, силоса и сенажа будет заготовлено на зиму столько, что можно будет прокормить им даже мамонтов, бродящих по лесостепи, не говоря уже о домашней скотине.

Глядя в бинокль на то, как направляется к городу здоровенная тележища на шести колёсах, обутой в резиновые покрышки, вся заставленная стальными лужёными бидонами с молоком, влекомая парой громадных быков, Митяй заулыбался. Это означало, что теперь в степи уже не найти ни одной бродячей коровы и что ведлы с говорящими камнями успели их основательно модернизировать, раз у тех до сих пор не закончился период лактации. Что же, на то они и ведлы, ведь Таня говорила ему, что следующей весной все их куры отложат и высидят столько яиц, что цыплят будет не сосчитать, но и после этого куры продолжают нестись до холодов. Ведловская сила распространялась и на такие дела.

Митяй не торопился спускаться с бугра. Наоборот, он вылез из кабины, забрался на её крышу и принялся внимательно рассматривать, чего понастроили без него ведлы-мастера, а они, в частности, построили на Марии не только водяные колёса, но и большую пристань с подъездными дорогами и даже самым настоящим подъёмным краном, вот только неясно, что приводило в движение его подъёмный механизм. Тем не менее частично деревянный кран со стальной стрелой и стальным же тросом стоял на рельсах и ждал, когда Антон привезёт мастерам очередную партию руды или какого-нибудь другого сырья. Заводских и фабричных цехов Митяй насчитал подозрительно много, двадцать шесть штук, и некоторые были просто громадными по меркам Дмитрограда. Ему сразу же стало интересно: сколько же народу жило теперь в городе? Что-то подозрительно большой получилась промзона, но более всего его поразила самая настоящая доменная печь, изготовленная из железа. Пусть и клёпаная, но зато на добрую треть выше прежней, рядом с которой стояло пять самых больших цехов. Да, Игнат, похоже,

решил-таки начать изготавливать Шишиги, чем чуть ли не бредил, да и не их одни, судя по всему. Что же, Митяй был этому только рад.

Правда, у него всё же не укладывалось в голове, почему перемены произошли так быстро? Ну, ведловство, ладно, это он ещё мог понять. Олроды тем и отличались от охотников, что с детства возились с кремнями и костомахами, изготавливая из них примитивные, а иногда и не очень, орудия охоты и труда, а потому были прирождёнными мастерами. С этим всё ясно, но разве могли чистые, ничем не замутнённые знания, соединившись с ведловством, дать такой мощный созидательный импульс? Это ведь каменный век, причём теперь Митяй окончательно уверовал в то, что он сиганул в прошлое ровно на двадцать тысяч лет, а стало быть, находился в верхнем палеолите, когда людьми были созданы наскальная живопись, земледелие, искусство, танец, счёт. Да, но ведь до палеолита был плейстоцен, начавшийся аж миллион лет тому назад, во время которого появился человек. И человек приспособил для своих нужд огонь, создал вербальную систему общения и тем самым породил человеческую речь и язык, может быть даже не один, а несколько, и вместе с тем развил магию – и её палеонтологи почему-то не отрицали в его время, и правильно делали, как уже успел убедиться в этом Митяй, – и религию, правда в виде верования в духов.

Если всё-таки даргалары как раз и были тем самым промежуточным звеном, связывающим между собой неандертальцев, возможно нескольких видов, отличающихся друг от друга, и кроманьонского человека, прямыми предками которого и одновременно соседями поместам обитания они являются, то кроманьонцы – прямые наследники неандертальцев с их древней культурой. Все чистокровные даргсу, как и алары, обладают способностями к ведловству. Неандертальцы со светлыми, рыжевато-жёлтыми волосами, судя по сказаниям, очень могущественные ведлы, и из этого выходит, что самое главное, что унаследовал от них человек, – это ведловская сила. И если так, то неандертальцы ещё и передали кроманьонцам мощный импульс дальнейшего развития, который в них самих начал затухать, и тогда становилось хоть немного понятно, почему соединение ведловства, как системы действий в различных ситуациях, ведловской силы и чистых знаний дали такой поразительный эффект.

У Митяя от таких мыслей сразу же появилась на физиономии широченная улыбка, и Таня спросила его:

– Ты радуешься тому, что видишь, Митяй?

– А то! – весёлым голосом воскликнул он. – Ещё как радуюсь, Танечка! Ты только посмотри, что они тут без нас настроили.

Таня печально вздохнула и сказала:

– А меня это пугает, Митяй. Если те чёрные дарги, которых холодная зима прогнала на юг, вернуться, то тогда даргалары и алары, вооружившись копьями и луками, их всех убьют, как когда-то хотел этого мой брат. Тогда они станут такими же, как и чёрные дарги, и тоже станут убивать аларов не их крови.

– А вот этого, моя девочка, я никогда не допущу, – спокойным и очень уверенным голосом сказал Митяй. – Поэтому я сначала на будущий год организую большую экспедицию на юг, в Азербайджан, и выясню, кто это вытеснил чёрных даргов на север и в честь чего те так зверски окрысились на аларов и даже на даргсу, на которых немного похожи. Сдаётся мне, Танюша, что там, на юге, живут куда более продвинутые племена точно таких же аларов, как люди племени Гремящей Воды, и мне очень не нравится, что они дали чёрным даргам пинка под зад. Таня посмотрела на Митяя довольно странным взглядом и тихим, чуть дрожащим голосом спросила:

– Ты сделаешь так для того, чтобы спасти чёрных даргов?

– Да, и для этого тоже, Танюша, – ответил Митяй. – Но в первую очередь для того, чтобы спасти аларов от самих себя. В этом мире сейчас живёт очень мало людей, и жизнь каждого из них на вес золота. Каждый человек твоего времени, Танечка, – это ведл, и он может сделать

очень многое. Поэтому будущей весной мы снова отправимся на юг, но уже большим отрядом. Сразу на нескольких Шишигах, которые мы с Игнатом и его парнями построим за эту зиму. Если мои подозрения насчёт того, что лет пятьдесят тому назад кто-то захватил земли чёрных даргов, а их самих прогнал на север, не пустые домыслы, то даргам достанется и во второй раз. Поэтому мы должны спасти их от истребления, а тем, кто их преследует, это, скорее всего, алары, дать укорот, но не убивая. Мы должны просто объяснить, что они поступили неправильно, и помочь построить точно такой же город, как наш Дмитроград. Во всяком случае, не хуже.

Таня кивнула и сказала:

– Тогда кто-то из княжичей должен будет взять в жены их большую мать и стать их князем. Думаю, что это будет Иван, старший сын князя Дениса.

Митяй пожал плечами и ответил:

– Разберёмся, Танюша. Толковых парней у нас хватает уже сейчас. То ли ещё будет. Главное – изготовить хотя бы штук пять-шесть Шишиг, а всё остальное уже проще сделать.

Тут снизу до них донёсся звук колокола, и Митяй увидел, как через несколько минут из цехов повалили толпы народу. Одних только ведлов-мастеров в них работало не менее двух тысяч человек, и все они, сделав перерыв на обед, первым делом затеяли какие-то игрища, пока женщины накрывали для них прямо во дворе большие столы. Некоторые, наверное самые голодные, сразу побежали к большим умывальникам, и Митяй даже покрутил головой и зацокал языком – очень уж с дисциплиной было в Дмитрограде строго: на его часах было ровно двенадцать, а это означало, что князь Денис установил для всех восьмичасовой рабочий день и пятидневную рабочую неделю, больше этого времени он ведлам-мастерам работать не разрешал. Чай не на барина работали. Митяй подолгу разговаривал с ним на эту тему, и, похоже, эти разговоры не оказались пустыми, а раз так, то и беспокоиться ему было не о чем.

Глава 2

Народ говорящих камней

Митяй не стал баламутить народ своим возвращением. Он спокойно дождался, когда все пообедает и вернутся в цеха, после чего завёл двигатель и стал осторожно спускаться. Промзона была отгорожена от бугра, местами поросшего деревьями и кустарником, высоким кирпичным забором, хотя вряд ли найдётся зверь, который сунется туда добровольно. Зато в неё можно было легко попасть, выехав из реки на берег, во многих местах довольно пологий. Так Митяй и сделал, а потому примерно через полчаса после того, как обеденный перерыв закончился, он уже подъехал к цеху – точно механическому, к нему от больших водяных колёш шло целых шесть валов, чтобы крутить токарные и прочие станки, – и посигналил. Через окна за ним наблюдали сотни глаз, но никто не выбежал с приветствиями. Почему-то, наоборот, все ведлы-мастера затаились внутри, притихли. Наверное, ждали, что он их позовёт к себе первым. Поэтому Митяй выбрался из кабины, вышел на нос понтона, сунул в рот два пальца, залихватски свистнул и помахал рукой. Несколько мгновений спустя все двери и ворота распахнулись, и наружу хлынула громадная людская толпа. Похоже, что на сегодня рабочий день закончился, – они каким-то образом все оказались одетыми в чистую, нарядную одежду. Прямо как на свадьбу или ещё какие-нибудь именины.

Первыми к нему кинулись те пятнадцать олодов, которые чуть больше года назад прибежали к нему в сопровождении охотников, сцепив зубы, преодолевая боль и задыхаясь от усталости. Шашемба вовсе не заставляла их бросить родное стойбище и срочно отправляться к мудрому ведлу. Они вызвались сами, потому что были лучшими из лучших мастеров племени и мечтали научиться делать такое же оружие, шить из мягких мехов и замши одежду, изготавливать каменную посуду и многие другие удивительные вещи, какие делал великий ведл. Митяй обнимал их, как самых родных и близких людей. Обнимала их и Таня, в глазах которой стояли слёзы восторга. Всё правильно, ведь она же ведла, а это то же самое, что и большая мать. Сграбастав последним Игната и похлопав парня по плечам, Митяй крикнул в окружившую толпу:

– Всё, ребята! Вас я тоже всех обнимаю, но только мысленно, а то мы тут будем до ночи здороваться. Эй, кто-нибудь, садись за руль Шишиги, а мы пройдемся пешком до дома собраний. У меня для очень многих ведлов есть знатные подарки. Думаю, что они всем вам очень понравятся, друзья мои.

– Мы уже знаем про них, Митяй! – радостным голосом воскликнул Игнат. – Нам о том, что ты нашёл очередные говорящие камни, мать-княгиня Ольга каждый день рассказывала, а ей про то говорящие камни твоей жены говорили. Мы ещё пять дней назад знали, что ты повернул Шишигу к дому, и приготовились к встрече.

Митяй рассмеялся и воскликнул:

– Ну и дела! Значит, эти камни силы не зря называют говорящими. Что же, раз так, то мы и без радио теперь обойдемся.

Вскоре они дошли до самого большого дома в Дмитрограде, по пути встретившись с нарядно одетыми князем и княгиней и с почти всеми княжичами и княжнами. Не было только Антона, его ждали из очередного рейса только через трое суток. По пути Митяй обратил внимание, что среди ведлов-мастеров есть и коренастые, широкоплечие крепыши невысокого, меньше метра семидесяти, роста со светло-рыжими, желтоватыми волосами, и с облегчением вздохнул – желтоголовые дарги вернулись.

Первым делом Митяй хотел разобраться с говорящими камнями, коих сумел найти целых триста семнадцать пар. Однако по пути к дому собраний он узнал, что уже почти четыреста

ведлов и ведл нашли свои говорящие камни сами или их привёз им Антон, который тоже нашёл свои говорящие камни, и теперь ему уже не были страшны никакие речные водовороты. Говорящие камни заменяли ему любые карты и лоции. Нашёл он себе и жену, причём в племени Большой Рыбы. Население Дмитрограда уже составляло почти семь тысяч человек, в нём прописалось пять аларских племён, даргалары и желтоголовые дарги, дождавшиеся холодной зимы, успешно перезимовавшие за Азовским морем и решившие вернуться домой, но по пути заглянувшие на огонёк к старым знакомым, да так и оставшиеся жить с ними навсегда. Ещё бы, ведь они могли смешивать свою кровь с даргаларами.

В честь возвращения большого отца камней было решено накрыть шикарную поляну, а поскольку всё население города просто физически не могло поместиться в клубе, то столы поставили прямо на большой площади перед ним, её специально для таких мероприятий выровняли под шнур и заасфальтировали. И как только Митяй раздал все говорящие камни, началось большое застолье, продлившееся до самого вечера.

К столь грандиозным полянам за лето в Дмитрограде привыкли. Их устраивали в честь заселения каждого нового племени, а через трое суток должно было приплыть с низовий Кубани ещё одно. Поэтому мастера продолжали работать в две смены, да ещё и без выходных, чтобы обеспечить всех прибывающих нормальной одеждой и прочим хабаром, и только в честь возвращения Митяя и Тани решили сделать исключение, но не все. Доменщики и сталевары плавку не прекратили, как не остановили работу на нефтеперегонном заводике и на фермах. Сидя за главным, княжеским столом, за которым также сидели все пятнадцать самых первых его учеников, новоявленная элита города мастеров, Митяй только диву давался, слушая неторопливый рассказ князя Дениса, княгини Ольги, Игната и остальных своих друзей. Все сидели за столом с женами и детьми, нарядные, чисто выбритые и причёсанные, в общем, любо-дорого смотреть, ни за что не подумаешь, что ещё совсем недавно они жили в каких-то фигвамах и ходили в шкурах.

Их рассказы, точнее, отчёты о проделанной работе поражали Митяя всё больше и больше. Из доисторических людей была ключом колоссальная созидательная энергия, эти аборигены стремились как можно скорее сделать все те, несомненно, нужные и полезные вещи, которые Митяй так тщательно отбирал в своё время и рассказывал о них. Потому-то он никого и не подпускал к Тошибе близко, чтобы, не дай бог, они не увидели в ней какой-нибудь пулемёт, двуручный меч или, того хуже, пулемётную тачанку и танк с пушкой, равно как и многие другие извращения человеческого ума, созданные только с одной-единственной целью – убивать, причём в массовом порядке. Убить человека можно чем угодно, даже сковородой, но ею не вооружишь отряд воинов, и те не пойдут с чугунными сковородками в завоевательный поход, хотя можно дойти и до такого маразма.

Вместе с Денго и Шашембой за княжеским столом сидели большие матери и вожди охоты всех остальных присоединившихся племён, и никто из них не кланялся в пояс князю и княгине, не изображал из себя преданных вассалов. Они точно так же рассказывали Митяю, чему научились кто за три месяца, а кто всего за двадцать три дня и что делали вместе с соплеменниками. Самым великим счастьем главный ведл счёл то, что за это время никто не умер, и теперь, если даже кто из стариков умрёт через год-другой, во что, по словам Ольги, слабо верилось, он уйдёт из жизни, увидев её совсем иной.

Ведл Лахтан, бывший охотничий вождь племени желтоголовых даргов, широкоплечий, коренастый мужчина лет сорока, гладко выбритый, с добродушным лицом, носом картошкой, голубыми глазами и золотым княжеским венцом на белобрысой голове, с длинными волосами, между прочим, имел говорящие камни, и потому его племя насчитывало почти две тысячи человек. Он уже переквалифицировался из охотников в животноводы и, едва увидев в клетках фазанов, тут же заявил, что займётся их разведением. Поэтому его охотники сразу уволокли клетки в дом своего начальника.

Митяй, от всей души набив живот, как только заслушал всех, кто хотел сказать ему хотя бы пару слов за большим столом, попросил Игната показать ему своё новое предприятие. Таня не спускала с рук дочь и с ними не поехала. Шишигу уже разгрузили, но Митяй сел не за руль, а на пассажирское сиденье. Он видел, что Игнат очень по ней соскучился. Через десять минут они подъезжали к большому трёхэтажному зданию из красного кирпича, в окнах которого на всех этажах горел свет. Это было первое конструкторское бюро совершенно новой эры, и Митяй понял, что теперь будущее точно изменится. Он с волнением вошёл в большую макетную мастерскую и остолбенел, увидев посреди зала деревянный макет трёхосного автомобиля, смесь КамАЗа и Шишиги, со снятой кабиной, а перед ним макет двигателя раза в два большего размера, чем нынешний дизель вездехода. Игнат, потирая руки от волнения, сказал:

– Вот, Митяй Олегович, такой будет у Шишиги дочка.

Митяй молча обошёл макетный образец несколько раз, и у него внутри ничто не ёкнуло, воспротивившись чему-либо. Более того, он сразу же понял основную идею Игната, не выпускающего из рук свои говорящие камни, и восхитился ею, а ещё понял, с каким нетерпением тот ждал его возвращения, и потому спросил:– Игнат, ты думаешь, что с говорящими камнями сможешь обойтись без кузнечно-прессового оборудования иковки? Отольёшь даже самые большие детали рамы? А получится?

Игнат улыбнулся и уверенным тоном сказал:

– Обязательно получится, Митяй. Ведь мы же отлили заготовки стрелы для подъёмного крана из стали, и их даже не пришлось подгонять. Все размеры поймали с точностью до десятых долей миллиметра. Рама – это что, на ней и такой точности хватит, а вот на двигателе новой Шишиги мы будем уже сотки ловить, и вот тут мне без моих говорящих камней точно не обойтись, хотя и это не страшно, ведь у многих моих литейщиков уже есть говорящие камни и у одного, ты не поверишь, они из самородного железа. Но мои мне больше нравятся. Это хотя и стекло, отец камней, в нём чувствуется сила земли.

Митяй улыбнулся и согласился с ним:

– Правильно, Игнат, ведь это же вулканическое стекло. Ты мне лучше расскажи, почему я не вижу здесь макета электрического генератора? Ты вроде бы собирался сначала его сделать.

Белобрысый парень вздохнул и ответил:

– Митяй, он нам сейчас не так нужен, как Большие Шишиги. Понимаешь, с говорящими кристаллами мы и без генератора уже умеем металл сваривать, а вот без мощных вездеходов и кораблей нам все племена не найти. Поэтому дочери Шишиги для нас сейчас намного важнее. Мы не сможем свезти всех людей в Дмитроград, зато на Больших Шишигах отвезём наш город куда угодно, хоть на другую сторону Земли, в Америку.

– Да, тут ты прав, Игнат, – снова согласился Митяй, – но своя, пусть и небольшая, электростанция нам очень нужна, чтобы осветить город и все фермы. Ты же не хочешь, чтобы твоя Маша только и делала, что лампочки зажигала?... Ну, что ещё нового ты тут без меня придумал? Показывай, Игнатушка. Игнат повёл Митяя по цехам своего завода и первым делом в литейку. И снова главный ведл остолбенел, узнав, что теперь, приделав к той стальной машине, которую он принял сначала за домну, мощный генератор угарного газа, в котором они производили неполное сжигание бензина, и, подавая в нагретый до девятисот градусов угарный газ метан из биореакторов и некоторое количество паров солянки, металлурги каменного века производили прямое восстановление железа. Для этого они измельчали гематит в порошок, практически полностью очищали его от примесей, превращали в окатыши, те непрерывным потоком сыпались навстречу огненному факелу и превращались практически в чистое железо с очень малым количеством примесей, из которого сталевары варили такую сталь, какая нужна была машиностроителям. И самое главное, такие ведлы, как Игнат – а их у него работало более двух сотен человек, и их старшие братья-неандертальцы из племени Медведя, – отливали из стали болванки просто немыслимой точности, и металл кристаллизовался в многора-

зовых формах, изготовленных из чрезвычайно тугоплавких материалов ведлами-керамистами так, как того требовали конструкторы. После этого со стали лишь оставалось снять тонкий, не более двух десятых миллиметра, слой окалины, что также поразило Митяя до глубины души.

В модельном цехе его удивило то, что для новых Шишиг Игнат разработал оригинальную конструкцию надувного резинового понтона, гармошкой укладываемого в стальном футляре, откидывающегося вперёд и в обе стороны с помощью гидравлики, к корпусу понтона были также приделаны опускающиеся вниз обтекатели для колёс. Митяй забрался под Большую Шишигу и убедился, что её днище было изготовлено таким образом и снабжено дополнительными обтекателями, откидывающимися в воде и закрывающими колёса так, что они смогут не просто форсировать на них любые водные преграды, но и плавать по рекам с изрядной скоростью.

Игнат подробно рассказал ему, что они проектировали Большую Шишигу по образу и подобию Маленькой Шишиги-матери, но решили сделать так, чтобы она умела хорошо плавать по рекам. Когда ведлы-конструкторы собрали все деревянные детали вместе, то вездеход-трансформер, соединённый с обтекаемым понтоном, по сути превратился в самый настоящий катер. Митяй, осмотрев его критическим взглядом, тут же внёс рационализаторское предложение – прибабахать к нижней части понтона ещё и два откидывающихся, словно лезвия складного ножа, и опускающихся на метр вниз подводных крыла.

Как только он объяснил Игнату, что произойдёт в этом случае, тот моментально выдал своим конструкторам техническое задание. Стальной понтон-сэндвич с надувным резиновым вкладышем мог нести на себе ещё и не такую конструкцию. Заодно он подсказал, что винты должны быть, как и рули, выдвигаемыми, и, взяв большой кусок пергамента, нарисовал ещё и эскиз большой, двухпалубной, восьмиколёсной баржи-прицепа, колёса которой, после съезда в воду, должны подниматься вверх на специальных внешних осях. Расспросив Игната, какой двигатель тот собирается изготовить для Большой Шишиги, Митяй сразу же сказал, что прицепная колёсная, четырёхосная баржа должна иметь в длину не менее пятнадцати метров, а в ширину пять, чтобы потом, когда в ней позднее установят в машинном отделении на корме дизель, она превратилась в полноценное судно, пусть и с поднятыми вверх колёсами. Транспортное средство такого рода было для них самым предпочтительным, ведь тогда оно сможет, при наличии мощного тягача, ехать на буксире по степи с довольно приличной скоростью, да и по воде также не станет плестись, как черепаха Тортила, отправившаяся в магазин за водкой.

А как безобидно всё начиналось! С надувного понтона, защищенного сверху и снизу стальными листами. Вообще-то такое конструкторское решение пришло в голову этого юного ведла только потому, что княгиня Софья освоила выпуск сверхпрочной, износостойкой резины, что и неудивительно, ведь она была ведла с говорящими камнями, а стало быть, по сути дела, волшебница в области нефтехимии. В общем, все те знания, которые Митяй вложил в головы людей из каменного века, уже дали совершенно фантастические плоды, и он в очередной раз убедился, что ведловство – это великая сила, и если в ведлах не воспитать доброту, миролюбие, рассудительность, мудрость и высочайшую ответственность, то Земле очень быстро наступят полные кранты. Вот тут Митяй впервые задумался о том, что когда-то лемурийцы, атланты и гипербореи якобы воевали друг с другом, применяя авиацию и атомные бомбы. Уж не он ли породил на свет таких дегенератов? Малость подумав, он всё же решил, что точно не он. Те войны происходили вроде бы сто пятьдесят тысяч лет назад. Тогда и кроманьонского человека не было.

Митяй прошёлся по всем цехам машиностроительного завода и вернулся домой в приподнятом настроении. Пока что ему не на что было жаловаться. Он воочию убедился, что поступил мудро, удрав в отпуск вместе с Таней. Все те знания, которые он уже успел передать своим ученикам, попали на сверхблагодатную почву – ведлы переварили их в своих буйных головушках, усвоили и, приложив к ним свои природные способности, интерпретировали

всяко разное, да ещё и с колоссальной выдумкой. Теперь они жадно требовали от него только одного: «Учитель, маловато будет. Давай ещё!», и он уже был морально готов к тому, чтобы продолжить свою бурную педагогическую деятельность, но всё же сначала решил проинспектировать всех старших ведлов. И предупредил об этом ещё с утра, во время завтрака.

В Большом доме теперь жило гораздо меньше народу, и он сделался намного комфортнее. В него уже провели газ, и теперь женщины готовили еду на газовых плитах. Хотя близился к концу сентябрь, хозяев потчевали свежей клубникой и черешней, абрикосами и вишней, и всё благодаря Нефтяной княгине. Софья ещё загодя сообразила построить большое хранилище для овощей и фруктов с регулируемой газовой средой, а попросту понижая температуру льдом до плюс пяти градусов и насыщая воздух в хранилище углекислым газом. Огурцы и помидоры, как и некоторые другие овощи, ещё не отошли полностью.

За завтраком Софья ела торопливо и мало разговаривала, хотя явно хотела поговорить с Митяем об очень многом. Покончив с завтраком, она хотела встать и выйти из столовой, но он с улыбкой попросил её не торопиться и сказал, что подвезёт до работы, а потом, в обед, привезёт домой. Та заулыбалась и немедленно стала накладывать из большой чаши себе на тарелку ещё клубники. Митяй, чтобы не затягивать, быстро прикончил фруктовое ассорти на своей тарелке, запил всё холодным вишнёвым компотом и негромко сказал, обращаясь ко всем сразу:

– Ребята, в ближайшую неделю я собираюсь проверить, как идёт работа у всех ведлов-мастеров, а потом мы продолжим занятия в Чупа-чупсе. Мне нужно научить вас очень многому, ведь я не передал вам ещё и сотой доли тех знаний, которые имею. Так что готовьтесь, мне есть что вам сказать.

Все, кто сидел за столом, за исключением одних лишь малых детей, облегчённо вздохнули и радостно заулыбались, а князь Денис, кормивший с ложечки внучку клубникой, спросил:

– Митяй, ну и что ты намерен проверять? Всё же и так отлично видно хотя бы по тому, что стоит на этом столе. Ведлы-мастера как что новое сделают, так сначала к нам в дом тащат. Я уже замучился им объяснять, что мы не можем каждые два-три дня выносить из дома те вещи, что они изготовили неделей раньше, и заменять их на новые, а они всё равно тащат и тащат.

– Угу-угу, – глубокомысленно кивая, прогукал Митяй и ехидным тоном добавил: – А меня, Денис, не интересует весь тот хабар, которые они каждый день лепят. С этим ты уж сам разбирайся, а чтобы не заморачиваться, заведи княжескую госприёмку, но не в хате, а снаружи. Меня, княже, другое интересует: как наши ведлы-мастера своих учеников учат и к чему их готовят, а то, знаешь, мне совсем не улыбается узнать, что они какие-то знания зажимают и оставляют их только для себя, любимых.

Нефтяная княгиня, услышав такие слова, сразу же нахмурилась и сердитым голосом проворчала:

– Если я узнаю, что кто-то так делает, непременно наведлую ему каких-нибудь болячек.

– Соня, не вздумай! – тут же прикрикнула на неё Ольга. – Мне только этого не хватало, снимать с ведлов-мастеров твою порчу. Не берись за старое, девочка. Уймись.

Софья обиженно воскликнула:

– Ольга, но Митяй ведь прав! Знаниями нужно честно делиться, как мясом в голодные дни, и нам не нужно отдавать охотникам их охотничью долю, чтобы они не ослабели. Доброта добротой, Ольга, но за такое, если это вскроется, ведлов-мастеров нужно обязательно наказывать, и очень строго.

Митяй улыбнулся и постарался всех успокоить:

– Вот потому-то я сначала и хочу проверить всё сам, а то ведь может и так случиться, что кто-то из ведлов учит своего ученика по индивидуальной программе, и тут вы ему заявляете, что тот утаил от ученика какие-то знания. Ты-то сама как учишь своих учеников, Сонечка?

Всех одной толпой или отдельными группами? Пойми, мне очень важно понять, правильно ли я вас учу, а если в чём-то ошибаюсь, то всё поскорее поправить.

Хотя хитрость Митяя была видна невооруженным глазом, никто, кроме Тани, этого не заметил, и Софья первая завопила:

– Митяй, как это ты можешь учить неправильно? Да во мне твоё каждое слово и по сию пору гудит громовым раскатом. Ты не можешь учить неправильно, и я своих учеников учу, как и ты. Благодарно кивнув Софье, Митяй встал из-за стола, поцеловал сначала дочку Танечку, потом жену и вышел из столовой. Только теперь, оказавшись во дворе, он обратил внимание, что повсюду до сих пор красовалось множество цветов, семена которых он когда-то взял с собой в горы, чтобы разбить на кордоне красивый палисадник. Уже в Шишиге, с которой за ночь сняли понтон, он сказал:

– Соня, любой учитель может ошибаться, и я не исключение. Главное – вовремя понять, что ты в чём-то ошибся, и постараться всё как можно скорее исправить. Не допускает ошибок лишь тот, кто ничего не делает, Сонечка.

Софья улыбнулась и, переводя разговор на другую тему, поспешила задать ему вопрос такого свойства:

– Митяй, когда ты дашь говорящие камни всем ведлам?

– А никогда! – смеясь воскликнул Митяй и добавил: – Ведлы должны сами находить свои говорящие камни.

Софья немедленно возмутилась:

– Митяй, не говори так! Ведь ты же большой отец камней!

– Ну и что с того? – стал ехидничать Митяй. – Ольга тоже большая мать города, но она же не рождает каждого ребёнка за всех остальных женщин. – И поторопился объяснить: – Сонечка, большой отец камней – это не должность, это людское признание. Свой первый урок после возвращения я как раз и намерен посвятить тому, чтобы научить каждого ведла, как нужно правильно искать свои говорящие камни через воду и как грамотно раскрывать дом говорящих камней, они же все спрятаны, и редко бывает так, чтобы лежали на раскрытых ладонях рек, как те, которые позвали к себе Таню. И мне нужно хорошенько подготовиться к этому очень важному уроку. Поэтому я и хочу посмотреть на то, как вы, старшие ведлы-мастера, передаёте знания ученикам. Это для меня даже важнее, чем мой урок, посвящённый поиску говорящих камней. Представь себе, Соня, их у ведла может быть и не одна пара, и не все он должен таскать на себе, и об этом я тоже вам всем расскажу, всё, что узнал, изучая в экспедиции эти удивительные инструменты.

Софья громко ахнула:

– Митяй, теперь я поняла, почему мне так часто снится большой шар из красивого пёстрого камня, похожего по цвету на перья тех птиц, что ты привёз.

Вскоре они приехали в вотчину Нефтяной княгини, и Митяй поразился тому, что увидел. Это был уже целый химический завод, и на нём производили не одни только нефтепродукты. Имелся на территории завода и большой класс, на стенах которого висели плакаты из пергамента, впереди возвышалась кафедра и стоял большой стол с наглядными пособиями и доской позади него, но не чёрной, а белой, покрытой каким-то пластиком, на котором ведлы-мастера рисовали схемы цветными мелками. Да, этот класс самым радикальным образом отличался от Чупа-чупса, но Митяй, даже порадовавшись за Софью и её ведлов, не собирался ничего менять в своём классе.

На химзаводе в этот день собрались все ведлы, включая самых юных, из числа желтоголовых даргов, а всего народа здесь насчитывалось почти триста человек и половина из них – женщины. Митяй провёл с ними весь день. Он убедился, что Нефтяная княгиня очень заботилась о здоровье своих мастеров, и потому все работали в прорезиненной одежде, а некоторые и в противогазах, хотя каких-то жутких запахов он не ощутил. Пахло вполне обычно, нефте-

продуктами. «Чтоб травматизма не было, не разевай своё хлебло» – этот завет Митяя здесь чтили свято.

По всему городу тем временем разнеслась весть о том, что большой отец камней решил проверить, как старшие ведлы учат своих учеников. С одной стороны шушукались, что тем может нагореть, если они придерживаются знания, с другой – злорадно заявляли: «Ну, бестолочи, держитесь! Сейчас наш ведар надерёт вам задницы за то, что вы, вместо того чтобы говорить ночью глазами через огонь, торопитесь домой к своим жёнам и мужьям».

Инспекционная проверка, из которой Митяй вынес для себя очень многое и даже восемь ночей провёл в стеклянном кабинете, разговаривая со своими проводниками знаний в массы глазами через огонь, продлилась почти три недели. Население города за это время увеличилось ещё на два племени, почти тысячу восемьсот человек. Таким образом Дмитроград становился крупнейшим городом на всей планете, не говоря уже о том, что он давно стал центром мощнейшей цивилизации, в которой в основу благополучия людей были положены ведловство и новейшие знания. Ещё эта инспекционная проверка показала прекрасные моральные качества людей каменного века и то, что знания они считали всеобщим достоянием и ценили превыше всего.

Митяй очень боялся, чтобы знания, чего доброго, не сделались уделом небольшой касты учёных, а все остальные люди полностью от них зависели. Нет, об этом пока что речи даже и не заходило. Скорее наоборот, некоторые старшие ведлы обижались, что кое-кто из их учеников хотел специализироваться всего в одном-единственном деле. Они горячились, спорили с ними, доказывая, что любой уважающий себя ведл обязательно должен знать несколько нужных и важных охот, но те упорно стояли на своём и говорили, что желают до полного совершенства изучить свою самую главную охоту и стать в ней большим отцом, как их главный ведар. Слово «ведабу» не сходило у всех с уст, и даже двенадцатилетние пацаны и девчонки тоже хотели учиться, а не гонять целыми днями собак по улицам Дмитрограда. И их учили, причём всему тому, что изучали в цеховых учебных классах взрослые. Учились даже глубокие старики, которые говорили, что хотят отправиться в мир иной без печалей, знающими ведлами, чтобы рассказать своим предкам о том, какая жизнь началась в краю множества рек с приходом Большого Ведара. Наконец настал день, когда в Хрустальную Башню Знаний должны были войти тридцать семь старших ведлов, и Большой Ведар намеревался продолжить занятия. Правда, у них у всех уже имелись свои говорящие камни, найденные ими самими или привезённые Антоном и Митяем, но это ровным счётом ничего не меняло. Их ведар всё равно намеревался прочитать довольно длинную лекцию, посвященную говорящим камням, принципам их действия, способам нахождения и методам извлечения из каменного дома. Все необходимые схемы он нарисовал в фотошопе и записал в отдельной папке, зная, что уже через несколько дней ведлы-учителя нарисуют на пергаменте большие красочные схемы. Между прочим, с рисунками и прочими художествами ему тоже было не всё понятно. Как-то Митяй прочитал в газете, что древние люди якобы были дальтониками и не различали цветов, и даже древние египтяне синий цвет принимали за серый. Наверное, ему попались какие-то неправильные древние люди. Все они великолепно различали все цвета радуги и даже обладали чувством прекрасного. Во всяком случае, к княгине Ольге выстраивалась целая очередь, когда та собирала семена цветов и принималась их раздавать.

Да, Митяю очень повезло как с исторической эпохой, в которую он провалился вместе с Крафтом и Шишигой, так и с людьми, жившими в ней. Сильные, выносливые, отважные и добрые, с отличной соображалкой, исключительно трудолюбивые, и при этом не ведающие греха, испытывающие тягу ко всему новому, стремящиеся к знаниям, весёлые и неунывающие, да к тому же очень многие просто красавцы и красавицы, а все остальные милые и обаятельные. Именно такими были, на его взгляд, алары и даргалары, даргсу и желтоголовые дарги.

Последние и вовсе очаровали его своими незатейливыми, беззлобными и простыми шутками без малейшей тени насмешки над кем-либо.

Невысокого роста, но с очень мощными, широкими телами, с ногами похожими на колонны, физически невероятно сильные, дарги были нежными и заботливыми родителями, а ещё они мастерски умели подражать голосам животных и птиц, их походке и движениям. Если какой-нибудь дарг показывал носорога или пещерного льва, то так эффектно, что все в испуге отбегали в сторону.

Митяй поднялся в свой кабинет с множеством окон, возле которых стояло несколько десятков лимонных деревьев, усыпанных плодами, сел за большой круглый стол, положил перед собой Тошибу и стал ждать.

Вскоре к нему поднялись его ученики, одетые в самые нарядные и красивые праздничные костюмы. Октябрь ещё радовал их последними солнечными деньками, но вскоре должны были зарядить дожди, а уже в середине ноября выпадет снег. Зима в этом году будет ранняя, с обильными снегопадами, но довольно мягкая. Это Митяй знал наверняка и мог даже точнее гидрометеоцентра расписать, в какой день какая будет погода. Он встал, поприветствовал старших ведлов и попросил их садиться. Вокруг стола расселись его самые первые ученики, а за ними, во втором ряду, сели за одноместные парты те, кто присоединился позднее.

Большой Ведар включил компьютер и принялся рассказывать о том, какой долгий путь прошли их предки за почти трёхмиллионную историю палеолита, развиваясь сами и развивая свои навыки общения с камнем. Именно это обусловило то, что в конце концов среди них появились ведлы, и их проникновение в душу камня сделалось таким глубоким, что они стали находить свои говорящие камни. Да, некоторые камни – это крепкие кости Земли, а другие – её плоть, по которым струится кровь Земли – нефть, газ, рассолы и вода, но есть и такие камни, которые являются нервными клетками Земли, очагами сосредоточения её незримой, но очень мощной энергетики.

Кто же тогда на Земле люди? Они, вместе со всеми растениями и животными, с биосферой, – мозг и органы чувств Земли, и их главная задача породить на планете ноосферу, прочно соединённую с Землёй и не разрушающую тело своей матери. Для этого ведлам и даны Матерью-Землёй говорящие камни и власть над ними, а он, Митяй, послан в этот мир для того, чтобы дать им многие знания. С ними процесс создания ноосферы ускорится в разы, и человек при этом не станет разрушать тело Матери-Земли, не станет тревожить её недра глубокими скважинами и терзать взрывами.

Митяй впервые сказал своим ученикам, что знания могут быть как полезными, нужными Матери-Земле, так и опасными, губительными для неё и людей. При этом он объяснил, что они – не дети Матери-Земли в прямом смысле слова, а скорее сама Мать-Земля, то есть её воплощение в их пытливым разуме и ведловстве. Предупредив, что некоторые знания могут стать опасными, если их применять не во благо, Митяй только и сказал, что вредоносными являются не сами знания, как таковые, а попытка человека направить их на убийство друг друга и массовое убийство растений и животных. Какую-то их часть человек может взять у Матери-Земли, а если поступит мудро и станет добывать всё, что ему нужно на мирных и спокойных охотах, то есть попросту выращивая, то тогда он тем самым окажет огромную помощь Матери-Земле.

После этого Митяй начал рассказывать о том, какие же говорящие камни создала Мать-Земля за сотни миллионов лет и как их разместила в своём теле. Он рассказал о том, что всё, что нужно человеку для счастливой, сытой и безбедной жизни, лежит неглубоко, и каждый ведл, найдя дом своих говорящих камней, может довольно легко его раскрыть, если не станет торопиться, а сядет рядом и постарается проникнуть в душу своего говорящего камня. Проще всего делать это, выйдя на раскрытые ладони рек, на которые Мать-Земля выкладывает человеку все свои подарки. Нужно только быть очень внимательным и чутким к каждому движению

своей души. А когда говорящие камни окажутся на твоих ладонях, то, хорошенько подумав, даже самый последний долдон вскоре догадается, какова истинная форма его самого главного рабочего инструмента ведловства, трансформатора и концентратора энергии, причём не только той, которая сосредоточена в его собственном теле, но во всех других растениях и животных. Поэтому, чем выше поднимутся леса и травы в степях и чем больше на теле Матери-Земли будет бегать среди них огромных и могучих животных, на которых так удобно охотиться, тем большую энергию станут выплёскивать из себя говорящие камни.

Митяй читал свою первую лекцию после столь длительного перерыва своим обычным ведловским голосом так же свободно и не напрягаясь, как делал это всегда, но странное дело, при этом в комнате площадью в полных сто сорок четыре квадратных метра, насквозь пронизанной светом, соткался вокруг стола кокон какой-то странной, почти материальной энергии, и все говорящие камни, которые его ученики носили на верхней части груди и специально открыли, выставив напоказ, стали светиться разноцветным, ярким и сочным светом, и эти лучи, проходя сквозь стекло, создавали дивное зрелище. Народ высыпал на улицы и во двор промзоны, чтобы полюбоваться на то, как идёт Большое Ведлание Митяя. Всех это почему-то приводило в восторг и ни у кого не вызвало даже тени страха. Более всего это самым положительным образом воздействовало на лимонные деревца, те за время ведлания подросли чуть ли не на треть, их стволыки сделались втрое толще, а все плоды созрели и стали яркими, сочными, лимонно-жёлтыми и заполнили Хрустальную Башню Знаний сильным и стойким ароматом.

Через два дня старшие ведлы, постигнув суть полученных знаний, уже проводили свои Большие Ведлания, на которых собралось чуть ли не две трети населения Дмитрограда, а ещё через трое суток в городе начался большой переполох. Некоторые ведлы, определившись, где находятся их говорящие камни, оседлали лошадей, а также других домашних животных, таких как туры и коровы, повесили через плечо сумку с провизией и отправились на далёкие галечники. На четвёртые сутки после массового ведлания это обрело повальный характер, народ в погоне за своими камнями вскарабкался на любое быстрое животное, в частности на носорогов и мамонтов, один умник и вовсе оседлал громадного хряка и умчался на нём в верховья Цицы. Те, кто не успел найти себе подходящее верховое животное, рванули в лесостепь и вскоре вернулись в город, сидя верхом кто на чём, отловили даже молодого пещерного льва. Кроме кинжалов, кирок и больших молотов, никто не брал с собой никакого оружия.

Митяй отнёсся ко всему происходящему очень спокойно. Если так уж приспичило, пускай отправляются за своими говорящими камнями сейчас, пока стоит тёплая погода. Лично он не собирался, задрав штаны, мчаться на Урал. Его успокаивало то, что по большей части все говорящие камни находились поблизости, от двух до трёх дней пути. Его Таня уже забрала те говорящие камни, над которыми построила дом, и они прекрасно подошли маленькой Танечке, но эта малышка ещё только играла в ведлу и потому не требовала от мамы и папы, чтобы те отдали ей её драгоценности.

Дмитроград основательно обезлюдел, но уже через несколько дней народ стал возвращаться назад с добычей. Как правило, каждый привозил с собой ещё несколько пар говорящих камней и сдавал их князю Денису под роспись. Вскоре вернулся последний из соискателей, всё быстро устаканилось, и Митяй понял, что своей последней лекцией, после которой в его педагогическом процессе снова возник перерыв, он породил на свет великий народ Говорящих Камней.

Всех животных, уже давно привыкших к людям и недавно попавших под их влияние, отправили в стойла и загоны, не знали только, что делать с огромным львом. О том, чтобы убить это красивое животное, не шло и речи, с дикой кровавой охотой вообще решили завязать раз и навсегда, но общение довольно-таки своенравного льва с человеком сильно испортило животное. Лев успел привыкнуть к тому, что его наездник сам убивал для него кинжалом дичь, свежевал её и потом кормил самыми отборными кусками мяса, да ещё и прогонял

куда более могучих старых львов, на охотничьи территории которых они невольно вторгались. Перед широкоплечим и могучим даргсу Бориславом Кузнецом встала во весь свой немалый рост проблема, что делать с Рыжиком, и он, почесав в затылке, пришёл спросить совета у Митяя. Когда кузнец и его питомец подошли к дому, тот как раз собирался на Ижике отправиться на мамонтовую ферму, пока не начался дождь. Выслушав Борислава и поняв его трудности, Митяй тоже почесал затылок и сказал:

– Боря, ты этого гривастого кошака привёл в город, ты на нём где-то две недели с лишним шлындраешься, так что тебе с ним и валандаться. Мышей эта зверюга ловить точно не станет, но, судя по его довольной роже, кормил ты его знатно. Ладно, продолжай в том же духе, а где он будет жить, это уже твои проблемы, Боря. Построй ему будку, что ли. У меня же Крафт живёт в будке и ничего, не сильно-то расстраивается. Его дети всё равно вместе с Мунгой в дом пускают и потом прячут их от меня. Так что и ты как-нибудь со своим зверем разберёшься.

Борислав взвыл во весь голос, хотя Митяю даже как-то не верилось, что такой здоровенный мужик может это сделать.

– Митяй, но он же сидит под дверью, мявчит, как маленький, и в дом просится, а моя жена и сородичи ругаются! Грозятся меня самого из дома выгнать.

Митяй покрутил головой и со вздохом сказал:

– Да, незадача получается. Ну, тогда я тебе такой совет дам, Боря. Ты же в механосборочном цехе работаешь? Вот и забирай туда свою мявкалку. Будет ребятам обо что руки вытирать. К тому же ему там раздолье, в окно выпрыгнул – и он уже в лесу.

– А ведь и то верно, Митяй, – согласился Борислав. – Огня он уже совсем не боится, а мой участок штамповки как раз в углу находится, и окна действительно на лес смотрят, а то что там бывает иной раз шумно, так я же привык, и он привыкнет. Спасибо, Митяй, что дал хороший совет.

Когда Митяй недели через три зашел на кузнечно-штамповочный участок, то обнаружил там пещерного льва, лежащего на высоком топчане, напоминая скалу, и, как он и предполагал, жутко чумазого, зато без блох, сытого и довольного. Все кому не лень таскали ему то мясо, то сахарные косточки, но при этом обязательно, под видом поглаживания, вытирали о льва руки. Пещерному льву явно понравилась новая жизнь с людьми, из разговора с Бориславом Митяй узнал, что Рыжик частенько бегает в лес то ли на охоту, то ли по львицам шастает, но всегда возвращается. Здесь, разумеется, не обошлось без ведловства, да только Митяю нечего было возразить против такого обращения с диким зверем. Главное, что Рыжик не бегал на охоту в Дмитроград и на фермы. Главный ведл посмотрел, как штампуют шестерни для коробки передач нового дизеля, и тоже погладил льва, вытерев о его шерсть руки, испачканные солидолом и копотью. Ничего, как-нибудь искупают зверюгу.

Со штамповочного участка Митяй отправился в литейку, где отливали всю целиком мощную раму нового трёхосного вездехода. Метод сверхточного ведловского литья давал поразительные результаты – литая стальная рама с заданным режимом кристаллизации была намного прочнее, чем штампованная, и легче.

После недельного перерыва Митяй возобновил занятия в Чупа-чупсе. За то время, пока его старшие ведлы приходили в себя, а народ бегал за своими говорящими камнями – их не смогли обрести только три с лишним десятка таких же горемык, как и он, – Митяй подготовил учебную программу на весь зимний период и, как только всё улеглось, принялся вбивать в головы своих учеников знания уже не с удвоенной, а с утроенной силой, постоянно налегая на экологию и бережное отношение к ресурсам. Занятия, как и прежде, начинались в восемь утра, а заканчивались в час дня, но теперь он отобрал среди ведлов ещё четырнадцать человек, разбил их на две группы и передавал им уже все знания подряд, поскольку все они стали довольно неплохими узкими специалистами, и теперь речь шла о политехническом образовании, а там как кого Бог сподобит. В их число вошли Таня, Ольга, Денис и Антон, но со своей женой он

занимался ещё и дополнительно и только ей открыл тайну о существовании опасных знаний, а та тут же поклялась, что никогда её не разгласит.

После обеда Митяй уже не мотался по всем цехам, а сосредоточил всё своё внимание только на создании Больших Шишиг.

Глава 3

Рождение Большой Шишиги

Свой четвёртый Новый год Митяй встречал, как и положено, в уютной домашней обстановке. С пяти и до девяти вечера он перед детьми изображал Деда Мороза, а Нефтяная княгиня – его внучку Снегурочку. Они, как это и полагается любым нормальным Деду Морозу и Снегурочке, приехали на расписных белых санях, в которые был впряжён олень с огромными рогами, и привезли с собой целую дюжину мешков с подарками. Дед Мороз и Снегурочка веселили детей и взрослых изо всех сил и с выдумкой. Они водили с ними хороводы вокруг ёлки, украшенной новогодними игрушками, с настоящими фонариками, пели вместе с ними песни, играли в различные игры – в общем, сделали всё, чтобы этот Новый, ноль четвёртый год запомнился всем надолго.

В одиннадцать часов взрослые сели за праздничный стол, и Митяй поздравил свой народ с Новым годом, пожелал ему счастья и успехов в будущем году. И началось праздничное застолье. В этом году каждому взрослому жителю Дмитрограда была преподнесена в дар литровая бутылка пусть и не настоящего шампанского, но вполне шипучего газированного напитка крепостью в десять градусов с новогодней этикеткой из пергамента, нарисованной вручную, очень красивой, с Дедом Морозом и Снегурочкой.

Имевшиеся у него несколько бутылок «Советского шампанского», коньяка «Курвуазье» и «Смирновской водки» Митяй зажил от всех и берёт как зеницу ока для куда более важных праздников. Он прожил в этом мире всего немногим более трёх с половиной лет и был по-настоящему счастлив. Больше всего ему нравилась в новой жизни роль Учителя с большой буквы, в принципе, при наличии Тошибы и массы справочных материалов, весьма простая и успешная. В первую очередь потому, что она позволяла ему оставаться самим собой и почти ничего в себе не менять. Порой Митяй был ироничен, порой насмешлив, иногда из него фонтанами пёрло ехидство, частенько он был спокойным, мудрым и даже величественным, редко сердитым и раздражительным, если встал не с той ноги, но никогда злым и желчным. Все вокруг прекрасно знали, что даже если Учитель сердится, то это ненадолго и его просто нужно чем-то развеселить, ведь он отходил очень быстро и никогда не держал ни на кого зла. Правда, мало кто замечал при этом, каким ответственным и строгим, в первую очередь по отношению к самому себе, был их Учитель. Митяй прекрасно понимал, что если он начнёт грузить народ всякими там чувствами ответственности и прочей нудной лабудой, говоря, что того-то и того-то делать нельзя ни в коем случае, то люди обязательно это сделают только для того, чтобы проверить, а есть ли в том зло?

Поэтому Митяй избрал очень хитрую тактику и ввёл в повседневный обиход два очень важных понятия: «Полезно» и «Ох и вони же будет! Ну её лучше на фиг!» – и в некоторых случаях даже демонстрировал на самых безобидных примерах, какой может быть эта самая вонь, которую «ну её лучше на фиг». При этом он постоянно твердил, что ведл никогда не должен причинять боли и вреда Матери-Земле и особенно её глазам, ушам, рукам и прочим приспособлениям в виде деревьев, трав и иных живых существ, о которых нужно заботиться особо. Поэтому самой полезной и важной считалась домашняя охота на растения, выращиваемые в поле и на огороде, и на животных, откармливаемых на фермах и скотных дворах.

Прядильно-ткацкое производство было первоначально создано для того, чтобы обеспечить город мешками, а Нефтяную княгиню нитями для корда и тканями для изготовления прорезиненной спецодежды и обуви, но механики не стояли на месте, и к зиме ткачи ткали уже вполне приличные льняные и особенно шерстяные ткани. Митяй вряд ли рискнул бы надеть

на себя такие трусы и не посоветовал бы Тане носить ночнушку из этой ткани, но на куртки и штаны она уже вполне годилась, и их даже стали из неё шить.

Целых три лекции, посвященные ткацкому и портняжному делу, быстро дали свои плоды, которые выразились не только в производстве ткацких станков, но и в новой швейной машинке, радикально отличавшейся от старичка Зингера. Механики поработали головами на славу и сладили её просто отлично. Шила она превосходно и даже умела делать шов-зигзаг.

Подзорную трубу Митяй счёл очень полезной вещью, как и появившийся вслед за ней бинокль, а вот про порох все давно уже забыли, как и про взрывпакеты. Табак тоже выращивали только с одной целью – опрыскивать настойкой растения от всяческих вредителей. Курить его никто так и не догадался. Кроме тех луков, которые Митяй изготовил для аларов и Денго, больше не было выстругано ни одного нового, а старые использовали по большей части для стрельбы по мишеням, и в Дмитрограде появились свои Робин Гуды. На всё, что могло навести людей на мысль о безнаказанном убийстве, Митяй наложил негласное табу. О греховности убийства, как такового, он принципиально не распространялся, чтобы не раздувать эгрегор оного, зато постоянно долдонил о том, как важно и классно жить в мире друг с другом, понимать точку зрения своего оппонента даже в том случае, если ты не сходишь со своей. Жизнь ведь сама расставит всё по местам, и кто сказал, что иная точка зрения не способна привести к чему-нибудь хорошему и принести пользу?

В общем, Митяй сел за праздничный стол в приподнятом настроении, и все провели новогоднюю ночь очень весело, а потом пошли кататься на санках. На следующий день они отсыпались часов до трёх дня, а второго января он снова прочитал своим ученикам лекцию – на этот раз она была посвящена географии верхнего палеолита – и после обеда отправился в цех, где уже практически всё было готово к тому, чтобы начать собирать первые шесть Больших Шишиг. Софья подогнала им для новых дизелей специальное многокомпонентное топливо, в состав которого входил биодит, изготовленный из рапсового масла, биодит из жира животных, обычная соляра, а также метан в виде газа, поступавший в стальной топливный бак из прочнейшего стального баллона, в котором он находился в сжиженном виде. С топливом она угадала, и вот почему. Во-первых, оно было чистым, как слеза святого, во-вторых, из-за повышенного давления в топливном баке текло в двигатель чуть ли не самотёком, хотя у двигателя и имелся топливный насос, а в-третьих, это было экологически чистое топливо, не дававшее вредных выбросов в атмосферу, один только чистый углекислый газ и пары воды.

Дизель, сконструированный и изготовленный ведлами каменного века хотя и вручную, чуть ли не на коленке, но зато по четырнадцатому классу точности, отчего все его шестерни сверкали от идеальной полировки, развивал очень большую мощность – точно за четыреста лошадиных сил – и был тяговитым. Все его детали были изготовлены из сверхпрочной, жаростойкой стали, не подверженной короблению. Слегка смазанный двигатель, но ещё не заправленный моторным маслом, Митяй довольно легко проворачивал рукой.

Ещё больший восторг у него вызвал блок цилиндров рядного, восьмицилиндрового, прекрасно сбалансированного дизеля, отлитый из какого-то сверхпрочного чугуна. Опытный образец добрых двенадцать часов держали в печи при температуре в шестьсот градусов, затем быстро подняли на двадцатиметровую высоту, сунули в бак с водой и сбросили вниз на груды камней. Некоторые камни при этом раскололись. Блоку цилиндров ничего не сделалось. После этого его заполнили водой, плотно законопатили все дырки и выставили на мороз, чтобы заморозить его. Фиг он разморозился, и на этом садисты-испытатели успокоились, поняв, что ничем, кроме здоровенных кувалд, они своё изделие уже не угробят, и установили его в углу цеха на постамент. В назидание возможным скептикам и нытикам.

Ничуть не меньшим чудом являлась рама и остальные детали конструкции новой, Большой Шишиги, отлитые из прочнейшей хромованадиевой нержавеющей стали. Литыми, как это ни странно, были даже кабина и будка, и имели они большую прочность, как-никак толщина в

шесть миллиметров, а местами и больше, позволяла надеяться на то, что погнуть её будет крайне сложно даже при столкновении с носорогом или мамонтом. Обувку для новой Шишиги Нефтяная княгиня также изготовила славную, износостойкую, с прочным тканевометаллическим кордом, да ещё и шипованную. В результате, когда они соберут всё железо в кучу, то получится на редкость мощный мастодонт, а не Шишига, и единственное, что точно будет выглядеть пугающим, так это своего рода кокошник вокруг кабины. Митяй заранее прозвал Большую Шишигу Псиной в будке. А что, именно на пса, высунувшего голову из будки, вся эта конструкция и будет походить. Правда, у неё всё же будет одно несомненное достоинство – полированный стальной кузов, в который можно будет глядеться, как в зеркало, и это Митяю, падкому, словно сорока, на всё блестящее, очень нравилось. Вместе с Митяем и Игнатом в сборочный цех пришло ещё семнадцать ведлов-мастеров, имевших самое непосредственное отношение к рождению Большой Шишиги. Шишига-мама, также сверкающая полировкой, – на ней Игнат понемногу заменял старые детали на новые, преимущественно изготовленные из нержавеющей стали, и уже почти закончивший изготавливать новую будку родного, армейского, а не самопального фасона, – стояла в цехе, украшенная еловыми лапами и ёлочными игрушками. Раму Большой Шишиги установили на сборочном стапеле-подъёмнике, и все ведлы-мастера во главе с Митяем расселись вокруг неё. Процесс сборки начался с того, что её принялись обвешивать железяками ходовой части, лежащими в строго определённом порядке вокруг стапеля. Ведлы-сборщики работали не торопясь, и потому сборка шла без лишней спешки, но постепенно машина вырисовывалась, и вот Большой Шишиге уже подкатали круглые ноги. Все шесть штук, обмотанные льняными полотнищами. Более всего сборка нового вездехода походила на священнодействие, разве что в бронзовых чашах не курился фимиам. Зато цех был ярко залит светом электрических ламп. На заводе Игната уже работал большой дизель-генератор. Надо же было на чём-то испытать, как будет работать новое мощное сердце Большой Шишиги. Жаль только, что дмитроградцы встречали Новый год при свечах.

В семь часов вечера работа была приостановлена, и ведлы-сборщики отправились в душевую мыться. Они и так отпахали лишние два часа, а в восемь Митяй снова должен был выступать перед желающими послушать со своими историями, и его выступление никто не хотел пропустить. И он повёл сказ о том, как великий князь Генри Форд родил Жестяную Лиззи, бабу Шишиги, натошак. История всем очень понравилась. Особенно то, как хитрые английские ведлы потребовали от мудрых и умелых американских ведлов во главе с их великим ведлом-князем перемешать детали всех десяти Жестяных Лиззи, чтобы те потом их собрали, влили в бензобаки бензинжизни и те ожили. У этого великого ведла всё получилось, ведь все Жестяные Лиззи были не просто родными сестрами, а близняшками, и потому шестерёнки от одной подходили к другой. Все собравшиеся громко хохотали над тем, как американские ведлы посадили в калошу своих хитрых английских коллег. Больше всех веселился Игнат и очень жалел, что ему не суждено никогда встретиться с Генри Фордом, чтобы помочь тому найти свои говорящие камни, которые так сильно помогали в работе ведлам-автомобилестроителям.

Через пять дней Большая Шишига, сверкающая полированной нержавеющей сталью, но со снятым раскладным понтоном, была готова к первому испытательному пробегу. В оба семисотлитровых топливных бака залили многокомпонентное топливо, тормозную систему и систему охлаждения заправили рабочими жидкостями, во все три ведущих моста залили гипоксидку, а в двигатель – моторное масло, не боящееся ни жары, ни мороза, зарядили четыре мощных аккумулятора, и Митяй, подойдя к стальной полированной дочери Игната, поцеловал решётку радиатора, после чего, откупорив бутылку шампанского, слегка омыл её вином. Отпив пару глотков, он пустил бутылку по кругу, и всем тоже досталось по глотку. В удобную, просторную, четырёхместную кабину с двумя спальными местами – Большая Шишига всё-таки имела в ширину три метра восемьдесят сантиметров, в высоту четыре с половиной, а в длину, вместе с

мощными, широкими, выступающими вперёд и назад бамперами, на каждом из которых было установлено по две электрические лебёдки, так и вовсе почти десять – сели Митяй, Игнат, Софья и Пахом. Разумеется, за руль сел Митяй. Он повернул ключ в замке зажигания – двигатель завёлся с пол-оборота и сразу же весело заурчал, – потом выжал сцепление и поехал к открытым настежь воротам цеха под радостные крики ведлов – автомобилестроителей.

Свершилось! В каменном веке, уже переставшим быть, по сути, таковым, вчерашние охотники, а ныне многознающие ведлы-мастера построили первый автомобиль, и ещё какой! – мощный, огромной грузоподъёмности и повышенной проходимости, да к тому же практически экологически чистый. Митяй на малой скорости проехал вдоль всей промзоны вниз по течению Марии, выехал за ворота и, увеличивая скорость, поехал вперёд, чтобы объехать по кругу небольшую Апшеронскую возвышенность. Большая Шишига хорошо слушалась руля и легко преодолевала метровые сугробы – ещё бы, её «тапки», высотой в рост человека, с высокопрофильными шинами, имели солидную ширину, целых семьдесят сантиметров, а движок тянул словно могучий эластомер. Машина без труда развила по бездорожью – его для неё просто не существовало – скорость в восемьдесят километров в час и увеличила её до ста двадцати, когда они выехали на ровный участок лесостепи, слегка присыпанный снегом. Митяю даже стало интересно, какой же мощностью обладает новая «восьмёрка», которую Игнат навскидку оценил в четыреста пятьдесят лошадок. Ничто в Большой Шишиге не гремело и не грохотало, все детали подвески работали как швейцарские часы, и лишь мягко поскрипывали удобные, мягкие сиденья, обитые прочной кожей носорога, сдуру свернувшего шею и потому забитого на мясо и отдавшего свою толстую шкуру на нужное дело.

Большая Шишига мчалась по заснеженным холмам, свободно взбираясь на них, но Митяй не лихачил и вёл её очень аккуратно и осторожно, хотя Игнат и гарантировал, что как кабина, так и стальная будка выдержат переворот оверкиль. Проверять этого он не хотел и не собирался. Его вполне удовлетворило и то, что машина даже не собиралась опрокидываться, когда он проехал по склону, имевшему уклон примерно в двадцать градусов. Это уже было довольно круто. Впрочем, центр тяжести у Большой Шишиги был расположен достаточно низко, и хотя машина внешне смахивала на КамАЗ-экстрим для ралли-рейдов, при той же высоте, за счёт того, что была намного шире, выглядела приземистее.

Зато и проходимость у неё была побольше, всё-таки три ведущих моста – это круто. Может быть, она проигрывала в мощности, хотя как знать. Во всяком случае, Митяй, некогда имевший возможность поехать на КамАЗах и «Уралах» по Африке, радовался тому, как машина летит по заснеженным холмам, и то и дело вопил от восторга, словно ребёнок. Вот теперь он был полностью уверен, что они доедут на Больших Шишигах до Урала, и особенно его тешило отсутствие в каменном веке гаишников, а то, что дорог тоже не было, его мало волновало. На такой машине можно и по бездорожью промчатся с ветерком.

Менее чем через три часа они вернулись обратно, и Митяй поздравил всех с наступлением новых, куда более весёлых времён стремительного расширения народа Говорящих Камней по просторам сначала Евразии, а потом и всей планеты, чтобы все люди зажили точно такой же жизнью, как и они. Его слушателям было с чем сравнивать их теперешнюю жизнь, и они согласились с ним, что именно так и следует поступить, а то ведь как-то некрасиво получается – у них есть всё, а у других ничего. Нехорошо. Всем людям нужно дать новые знания, говорящие камни и научить их делать всё то, что умеют делать они, и тогда Мать-Земля обязательно будет ими довольна. Убеждать ведлов в том, что Мать-Землю нельзя сердить, а нужно ублажать мирными и тихими домашними охотами, избегая охот кровавых, когда её животные долго мучаются и бьются в агонии, Митяю не приходилось. Они прекрасно знали, что холодную зиму Мать-Земля наслала на головы чёрных даргов за их лютую жестокость и за то, что они убивали других даргов и аларов. Более того, Митяй и сам уже уверовал, что экология в её

высшем понимании – защита природы, является его первоочередной задачей наряду с воспитанием в людях терпимости и взаимопонимания.

Никаких других задач он перед собой не ставил и был очень рад, что те люди, которых он уже собрал вокруг себя, это прекрасно понимали и не противились его учению. Счастливым оттого, что им удалось сделать такой огромный скачок вперёд, он вместе с другими ведлами-мастерами пошёл домой в приподнятом настроении. За ужином он рассказал своим домочадцам, что с началом весны, как только вскроются реки, они сядут на Большие Шишиги и отправятся на поиски чёрных даргов и тех людей или животных – кто его знает, кто это были, – которые заставили их двинуться на север. Он всё же полагал, что это, скорее всего, были люди, раз чёрные дарги с такой яростью нападали на всех охотников и безжалостно их убивали. Что же, теперь, взяв с собой в путь отряд человек в сто двадцать и как можно больше припасов и горючего, они смогут доехать даже до Азербайджана и посмотреть, что творится там, а может быть, и заложить там второй город. От желающих отправиться в такую интересную экспедицию не было отбоя, и Митяй, как старый, многоопытный куркуль, хотел в дополнение к шести уже заложенным Большим Шишигам построить ещё минимум десяток, и чтобы парочка вездеходов совершала регулярные рейсы, если они всё-таки заложат на юге большой город.

Пужинал Митяй быстро: попросту затолкал в себя пару больших котлет с картофельным пюре и лепёшкой – пусть и не самого лучшего качества, но хлеб они уже пекли, ведлы-каменщики изготовили мельничные жернова из плотного наждака, чуть ли не арканзаса кавказского происхождения, и построили-таки мельницу, – запил всё компотом, поднялся наверх и сразу же, сев за письменный стол, включил Тошибу и принялся готовиться к большой весенней экспедиции на юга. Таня сидела в кресле и вязала для их будущего ребёнка распашонки и ползунки из козьего пуха. Митяй уже решил, что отправится в путь только после того, как она родит. Как и все аларки, она переносила беременность на удивление легко, но он просил её беречь себя и ребёнка. Относительно того, кто у них родится, он даже не думал. Главное, чтобы ребёнок родился здоровым, а всё остальное уже мелочи. Впрочем, волноваться никаких причин не было. Таня была здоровой молодой женщиной, крепкой и выносливой, он тоже вроде имел отменное здоровье, так с чего бы ребёнку родиться больным.

Хотя большую часть конструкторской работы для Большой Шишиги выполнил Игнат со своими ведлами-мастерами, Митяй также приложил к этому свою руку и даже распечатал для юного ведла несколько чертежей, хотя и сэкономил бумагу и особенно чернила для принтера, над которым трясся, как Кошей над единственным яйцом. Тьфу-тьфу, но принтак ему попался зело надёжный. Просто какой-то военный. Таня, как самое доверенное лицо Митяя, имела доступ как к Эпсику, так и к Тошибе, да и ко всем дискам тоже, даже к дискам внешней памяти, но всё же по просьбе мужа в некоторые из них не заглядывала. Кое-какая информация, включая кинофильмы с мордобоем, была под жёстким запретом, в том числе и для неё, но она, к счастью, и не интересовала Таню. Куда чаще та разбирала его компьютерную технику и, вооружившись говорящими камнями, подолгу её изучала. Митяй не расспрашивал жену ни о чём, но, судя по её радостному личику, дело у этой юной электронщицы продвигалось. Во всяком случае, как только он приносил в их квартиру Тошибу, та тотчас хватала её и принималась за ведловское чтение справочников по радиоэлектронике и компьютерной технике. Однако Митяй замечал, что ей куда больше давало прямое изучение Тошибы, Самсунга, бумбокса Сони и всей прочей его электронной техники вроде сотового телефона.

А ещё Митяй заметил, что та же Тошиба вроде бы стала выглядеть новей, что ли. Впрочем, он не удивился бы, выяснишь, что Таня с помощью своих говорящих камней научилась ремонтировать компьютеры. Во всяком случае, он её ни о чём не расспрашивал, а она загадочно улыбалась и ничего ему не говорила. Митяй и сейчас заметил, как она хитро улыбнулась, включил Тошибочку и принялся просматривать все снимки процесса рождения Большой Шишиги, отснятые двенадцатимегапиксельным Кодаксом.

Да, конструкция получилась на редкость мощной и удачной, хотя и полностью содранной с Шишиги. Как и на той, на задней паре дисков Игнат также установил венцы отбора мощности с их передачей на гребные валы, расположившиеся на откидывающемся вниз заднем поплавке понтона с гребными винтами, изготовленном, как и передний, цельным. Надувными были только боковые понтоны с металлическим днищем и верхней палубой, огороженные складной решёткой-пантографом, имевшие довольно большую ширину, по два метра каждый, и большую грузоподъёмность. Передний и задний понтоны служили один водоотбойником и носовым рассекателем, а задний ещё и кормовым механизмом с винтами, рулями и грузовой площадкой. На средних понтонах были установлены также два подводных крыла оригинальной конструкции.

Войти в будку сзади можно только при опущенном кормовом понтоне, но туда можно спокойно попасть и через дверцу из кабины, пройдя через полуметровой ширины тамбур. Внутренним убранством будки ещё никто не занимался, но уже и так было ясно, что оно будет из двух отделений, пассажирского и грузового. Как для одного, так и для другого были предусмотрены небольшие узкие окна под самой крышей. Хотя технологически будка и кабина были разделены – между ними и было свободное пространство, визуальны они являлись одним целым. Запасные колёса располагались на крыше будки. Митяй поначалу счёл, что четырёх электрических лебёдок в бамперах будет сверхдостаточно, но потом, подумав, согласился, что лишний рубль в кошельке – не помеха. Зато на двух стальных тросах диаметром в восемнадцать миллиметров Большая Шишига могла спокойно подняться на сорокапятиметровую стену вместе с грузом и людьми. Но Митяй так и не понял, как Игнату и его парням, которые меньше чем полтора года назад ходили в шкурах, удалось соорудить такой здоровенный автомобиль-вездеход. Он, конечно, понимал, что как его собственное педагогическое ведловство, так и их ведловство настоящих создателей – это огромная силища, но почему против них не восстали все черти ада и не ополчились ангелы с небес за такую дерзость, не знал. А они должны были это сделать.

Рассматривая фотографии уже полностью собранной Большой Шишиги с навешанными на неё понтонами в походном и водоплавающем положении, Митяй всё прикидывал, на скольких же машинах им нужно ехать на юг, чтобы завтра с утра, когда Игнат придёт на занятия, обрадовать его. Помимо Шишиг ему ведь нужно изготавливать и другое сложное оборудование для нужд города. В конечном итоге, сделав расчёты на калькуляторе, он решил, что ехать надо всё-таки на двенадцати машинах, чтобы заложить большой город в благодатной долине в низовьях Куры, и обязательно с колёсными, четырёхосными баржами-прицепами. Город желательно заложить если не на берегу моря, то поближе к Куре, и тогда можно будет подумать также о строительстве города в северной части побережья Каспия. А ещё им обязательно нужно взять в дорогу с десятком мотоциклов и построить автожир, чтобы совершать на нём разведывательные полёты.

Приняв окончательное решение, Митяй выключил компьютер и лёг спать.

На следующее утро, готовясь к занятиям, он поднял всю информацию, имеющую отношение к авиации, большой и малой, а также мотоциклам, вкуче с электротехникой и цветной металлургией, без алюминия и титана автожир ведь не построишь, и записал её на хард-диск Тошибы. И восемь следующих уроков он посвятил двум этим темам, что произвело просто невообразимый эффект. Чуть ли не каждый житель Дмитрограда захотел обзавестись Ижиком наземным и Ижиком крылатым, небесным.

Игнат, узнав о том, что существуют «крылатые металлы», для выплавки которых нужна электроэнергия, немедленно бросил все силы на строительство огромного водяного колеса, мощного электрического генератора и подстанции. В этом ему большую помощь оказала Таня. Была немедленно организована общегородская толока, и за каких-то две недели план ГОЭЛРО каменного века был выполнен. Игнат сразу же нацелил конструкторов на проектирование авто-

жира и мотоциклов. Баржи уже строились полным ходом, а перед ведлами-металлургами ведл поставил задачу немедленно обеспечить его алюминием, магнием и титаном, а также их сплавами и разработать технологию литья этих металлов в бескислородной среде, а попросту обеспечить его сжатым аргоном в нужном количестве.

Митяй, услышав об этом, даже похолодел от ужаса, но ведлы-химики, для которых он уже изготовил мощные поршневые насосы для сжатия газов, установку для сжижения метана, а также добрых две сотни прочных столитровых стальных баллонов, даже не моргнули глазом и вскоре, работая своими говорящими камнями, каким-то совершенно непостижимым образом выделили из воздуха аргон и закачали его в баллоны под давлением в шестьдесят атмосфер. Да, похоже, для ведлов с говорящими камнями, получивших новые знания о чём-либо и потому одержимых идеей совершить очередной технологический прорыв, не существовало никаких преград, ведь тогда их говорящие камни превращались в мощнейшие и к тому же очень тонкие инструменты, способные даже отфильтровывать молекулы аргона. Ни о чём подобном он прежде не мог и помыслить.

Вскоре Митяй увидел первые рамы мотоциклов, отлитые целиком из титана, а также блоки цилиндров уже четырёхтактных, четырёхцилиндровых двигателей с водяным охлаждением, объёмом в два литра, поршни и пальцы к ним. Эти высокооборотистые движки работали на экологически чистом топливе, смеси бензина и метана, залитой в прочные цельнолитые титановые бензобаки. Они должны были иметь мощность минимум в сто шестьдесят пять лошадиных сил. Движки одинаково хорошо подходили как для новых мощных трёхколёсных Ижиков, так и для автожиров, все несущие детали которых уже отливались из прочного сплава магния и алюминия. Летательных аппаратов Игнат собирался изготовить целый десяток, причём сразу трёх моделей. Его вполне удовлетворили те испытания, которым они подвергли натурные макеты. Из титана отливались и диски колёс мотоциклов, но что самое удивительное, ведлы освоили изготовление карбона из газовой сажи и прессовали из него как металлокарбоновые прокладки, так и тормозные диски. В общем, внедрение новейших технологий с помощью ведловской силы шло ускоренными темпами, и ведлы начали интересоваться фуллеренами, углепластиковыми и сверхпрочной металлокерамикой на базе наноматериалов.

Митяю, честно говоря, даже сделалось обидно. Он в этой толпе колдунов с говорящими камнями, схватывающих на лету сложнейшие научные и технические понятия, да ещё умеющих воплощать их в жизнь, выглядел без своих говорящих камней бедным родственником. Шутка сказать, но хитроумные ведлы-конструкторы, они же модельщики, которые сначала изготавливали весьма прочные модели из специальной мастики, даже не пользовались чертёжными инструментами и кульманами. Они просто рисовали на листе пергамента довольно простенький эскиз будущего изделия, потом, целым коллективом глядя на него через языки пламени, вырывающегося из газовых горелок, всей толпой ведловали, и грубый, приблизительный, можно сказать, примитивный эскиз, нарисованный графитом, под воздействием говорящих камней, освещающих его разноцветными лучами, превращался в точное трёхмерное изображение, сделанное уже цветной тушью, но без помощи кисточек, перьев и рейсфедеров. Словно в струйном принтере, тушь сама переносилась из чашечек на большой белоснежный лист. Однако самое фантастическое священнодействие происходило потом. На следующий день, рассмотрев на свежую голову своё творение, ведлы-конструкторы либо велели подмастерьям соскрести всё к чёртовой матери и потом долго ругались, выясняя, кто именно упорол косяка и почему, либо снова начинали своё ведловское камлание через огонь, но уже совсем фантастическое.

Теперь напротив них на большом низком столе, посреди которого размещалась длинная узкая жаровня с газовыми горелками, ставилась ёмкость, наполненная мягкой, податливой формовочной мастикой, трёхмерный, поразительно точный и понятный эскиз изделия они клали перед собой на стол – и начиналось действие. Говорящие камни вспыхивали тотчас,

едва только загоралось пламя, поднимающееся над жаровой высоко вверх и превращающееся в светящийся, но совсем необжигающий огненный экран, позади которого формовочная мастика, имеющая красивый палевый цвет, освещенная яркими, осязаемо плотными лучами, оживала. Проходило всего несколько часов, и на столе возникала модель двигателя или какой-нибудь иной установки в натуральную величину.

Первоначально модель Большой Шишиги была изготовлена из дерева, на что ушло почти три недели, но затем кто-то догадался сварить формующуюся мастику, и машину переделали всего за три дня, в результате чего получился макет Большой Шишиги, изготовленный из куда более прочного материала, чем дерево. Примерно такого же по прочности, как хорошая бронза, только намного легче. Плавилась же эта мастика при температуре в двести сорок градусов, но пластичной и податливой становилась уже при пятидесяти шести.

Самое же главное заключалось в том, что этот рабочий макет был со всеми шестерёнками, прокладками, пружинками, болтами и гайками. Поэтому его можно было без особого труда разобрать и затем заново собрать и так хоть двадцать раз подряд, пока ведлы не обсохнут каждую детальку. Естественно, некоторое оборудование и, к примеру, сиденья таким образом не изготавливались, но каркасы для них уже стояли на своём месте и были прикручены болтами. После этого макет аккуратно разбирали, и по каждой отдельной детали изготавливалась форма из сверхпрочного огнеупорного материала на основе оксида алюминия и сверхчистого, тонко дисперсного углерода, то есть самой обычной сажи, на изготовление которой пускалось только сверхчистое углеводородное сырьё. Химикам пока что хватало нефти и метана, но, чтобы в один прекрасный момент не встать, строились ещё двадцать четыре мощных биореактора, и каждая навозная лепёшка, равно как и все прочие отходы, брались ими на учёт. Зато на поля ежедневно вывозился телегами прекрасный гумус. Однако агрономы, которые прекрасно знали, что большой паводок сможет легко его смыть в Марию и Нефтяную, заранее озаботились, и потому в конце января, фактически уже в преддверии весны, прошла большая каменная охота.

Наверное, более фантастического зрелища нельзя было и представить. На неё вышел, что называется, и стар и млад, если он, конечно, имел говорящие камни. Всё началось утром, ровно в девять часов. Ведлы, выстроившиеся цепочкой вдоль берегов Марии, Нефтяной и Гольшки, достали свои говорящие камни и заставили их издавать тихие, шепчущие звуки, на которые тотчас отозвались все камни, лежащие на дне рек и вынесенные ими на пологие берега, образовав мощные галечники. Камни не просто отозвались на этот властный призыв, они двинулись в путь. Сначала самые маленькие, затем побольше, а потом и большие многотонные глыбы. Маленькие камни, прыгая, как лягушки, взломали тонкий лёд вдоль берегов, первыми выбрались на берега рек и двинулись дальше, обходя ведлов и образуя за их спиной целый вал. Часть камней, которые являлись рудными материалами либо другим ценным сырьём, катились ещё дальше и складывались самостоятельно в отдельные большие кучи. Вскоре из воды полезли камни покрупнее и также стали карабкаться на этот вал, но потом пришли большие камни и стали выстраиваться в мощную каменную набережную, и если где-то нужно было заткнуть дыру, то в воду тотчас скатывался камень нужного размера. Многие камни раскалывались, давая удивительно ровный излом, и шли на облицовку, в результате получалась почти идеально ровная стена.

Большая каменная охота длилась четверо с половиной суток, не прерываясь ни на минуту, и ночью берега всех трёх рек озаряло сияние говорящих камней. Зато и итог был очень впечатляющим. Ведлы Дмитрограда не только возвели прочную каменную дамбу высотой от шести-восьми до двенадцати метров, но везде строго на одном уровне, с широкой дорогой поверху, вдоль берегов Марии, Нефтяной и Гольшки, замкнув её под Нефтегорском в кольцо, но и построили каменную набережную вдоль всего берега Марии напротив своего города и

соорудили каменные быки для двенадцати мостов. Плотники сразу же принялись за работу, чтобы навести новые, широкие, прочные и удобные мосты, которые точно не смоеет паводком.

Помимо этого ведлы собрали ещё и богатый урожай руд – особенно много было рутила и ильменита для выплавки титана и прочего минерального сырья, – весьма основательно почи- стив все три реки и добыв из них все самородные металлы, медь, серебро и золото на довольно большой протяженности.

Митяй, который, честно говоря, в этом ведловстве не принимал участия – кому он там был нужен без говорящих камней? – схватился в своей Хрустальной Башне за голову. То, что сделали его ученики, было куда как круче строительства египетских пирамид и приближалось по своим масштабам чуть ли не к Великой Китайской стене. Вот теперь Дмитрограду точно были не страшны никакие наводнения, ведь дамбу ведлы построили практически монолитную, заставив каким-то образом все камни прочно сцепиться между собой без цемента или извест- кового раствора.

Да, о том, что ведловство почти семи тысяч мужчин и женщин, имеющих говорящие камни, сможет дать такие плоды, Митяй даже и не задумывался. И народ Говорящих Камней действительно стал казаться ему гиперборейцами, или кто там из древних был самым крутым. Получалось, перед любым ведлом из своего народа он был козявкой по ведловской мощи, и гордиться ему было чем. Ну и что из того, что Митяй не ведловал в цехах? Всё, чему научи- лись все эти ребята, было получено ими здесь, в Хрустальной Башне Знаний, и потом расти- ражировано в других учебных классах, и все это прекрасно понимали. Между прочим, ведлы Дмитрограда понимали и то, что говорящие камни их учителя – это не хухры-мухры, а изу- мруды, самые твёрдые камни после алмаза, но куда более могущественные, чем эта разновид- ность углерода. Поэтому они великолепно представляли, у кого в лесу будет самая большая шишка после того, как Митяй заберёт свои говорящие камни, как знали и то, что его широте взглядов, эрудиции и жизненному опыту они будут ещё очень долго завидовать. Ничего не поделаешь, учитель здесь он, а они всего лишь его прилежные ученики, и потому, как только народ отоспался, в Хрустальную Башню Знаний снова пришли старшие ведлы за очередной порцией знаний, которую для них приготовил Митяй.

И они их получили, но уже несколько иным образом. Если раньше Митяй старался учить их по большей части технологиям, давая азы математики, геометрии, физики и химии, то теперь он стал планомерно передавать им фундаментальные основы наук, благо у него имелись для этого электронные учебники. Его ученики сначала опешили, но очень быстро сориенти- ровались и принялись с азартом решать задачки по математике, физике и химии.

Между тем зима заканчивалась, и только тут Митяй смикитил, какими предусмотритель- ными людьми показали себя ведлы-агрономы. После мягких и снежных месяцев наступила ранняя и очень тёплая весна, в результате чего все реки вышли из берегов, и уровень воды поднялся на четыре с половиной метра. Не построй ведлы так вовремя дамбу, почти все ого- роды и большую часть распаханых под зиму и удобренных полей – а на многих были поса- жены озимые культуры – попросту смыло бы, а так они на целых четыре с половиной недели оказались полностью окружены водой, но она даже на три метра не подступала к верху дамбы и потому наводнения не случилось. Природа радовалась весне, а вместе с ней и люди. Рано и очень дружно зацвели в садах абрикосы, а затем и вишня с черешней, и Митяй, поглядывая на разлив, принялся готовиться к большой экспедиции на юга.

Кроме машин повышенной грузоподъёмности, мастера Игната спроектировали и постро- или четырнадцать Больших Шишиг. На них и было решено отправиться в путь, но он решил, что с них хватит и восьми с большими колёсными баржами-прицепами. Впрочем, называть эти элегантные кораблики с идеальными обводами корпуса, нижняя часть которого до ватерлинии была целиком отлита из нержавеющей стали толщиной всего в три миллиметра и упрочнена вклады- шем из литого дюралюминия, а верхняя изготовлена из него же, с откидывающимися вверх

широкими колёсами диаметром в метр двадцать, язык не поворачивался. Тем более что их обтекаемые, чечевицеобразные корпуса сверкали полированным металлом.

Митяй снова лично провёл ходовые испытания Большой Шишиги с навешенным на неё понтоном, который в собранном виде представлял собой обтекаемую конструкцию из нержавеющей стали и дюралюминия, и прицепленной к ней на длинной жесткой верхней сцепке баржей, нагруженной чуть ли не под самую завязку. В баржу водоизмещением в сто двадцать тонн, вес которой составлял, однако, всего девять с половиной тонн, загрузили сорок тонн груза, и Большая Шишига, сама весившая почти семь с половиной тонн, легко тронулась с места и поехала, быстро набирая скорость.

На этот раз Митяй проводил испытания за рекой Нефтяной, на самом ровном участке лесостепи, чтобы для начала привыкнуть к такому здоровенному прицепу. Однако он уже очень скоро убедился в том, что Большая Шишига даже с таким грузом может ехать по подсохшей степи со скоростью до семидесяти пяти километров в час, и чувствовал, что может прибавить газу ещё, но сдерживался. Через пару дней он уже уверенно преодолевал не слишком крутые подъёмчики и остался очень доволен этим роскошным, мощным вездеходом с просто бешеной проходимостью. Особенно его радовало то, что на сто километров движку при крейсерской скорости в семьдесят пять километров в час требовалось всего тридцать два литра топлива. Вот что значит четырнадцатый класс точности движка и трансмиссии плюс шикарное гарево Нефтяной княгини. Так что запас хода посуху у Большой Шишиги был просто потрясающий, все три с половиной тысячи километров при баках ёмкостью в тонну четырёхста. Да, папа девушки по имени Мерседес точно удавился бы от зависти.

Именно это обстоятельство и позволяло взять на борт отряд из трёхсот шестидесяти человек и четырёхста тонн груза, но Митяй всё же решил не перегружать технику. В состав отряда вошло сто двадцать три молодые пары ведлов – мастеров на все руки, не спешивших обзавестись детьми. Больше половины из них были даргсу, но вместе с ними отправлялись желтоголовые дарги, мужчины и женщины – они могли смешивать свою кровь с ними, и потому тоже ехали парами, – а также аларские пары. Все они должны были основать город-колонию далеко на юге, в солнечном Азербайджане. Ехали с ними и немногие одиночки, решившие поискать себе мужей и жён в новых краях. Нет, Митяй решил не называть эту страну за горами Азербайджаном. В мире пока что не было азербайджанцев, немцев или французов и китайцев. Поэтому новый город было решено назвать Михайлоградом в честь княжича Михаила, изъявившего желание стать князем этого города. Ну а как он там решит назвать свои земли, это было уже его личное дело и дело тех ведлов-мастеров, которые отправлялись вместе с ним в далёкие и неизведанные края. Помимо восьми барж, загруженных под завязку инструментом, оборудованием и различными припасами, Митяй брал в дорогу ещё и дюжину новых мотоциклов из двадцати семи изготовленных и два двухместных автожира из шести. И вся эта техника уже была испытана.

Особенно хороши у Игната получились автожиры, и Митяй выбрал из них те два, прообразом которых являлся автожир «Аэромеханика-2» с элегантной каплевидной кабиной. Они были целиком изготовлены из титана и сплава магния и алюминия, лёгкие и комфортные, с ротором диаметром в десять метров, оснащённым системой предварительной раскрутки, и толкающим винтом двухметрового диаметра. Вот только примитивного вида трёхколёсную тележку с неказистыми стойками Игнат заменил, установив на своё творение четыре колеса – спереди они были поуже – с обтекателями. У автожира имелся стеклянный лобовой обтекатель, чтобы в морду не дуло, – остекление с дверей Митяй велел снять, – он спокойно поднимал в воздух двух человек, сто литров бензиново-метановой смеси и сто шестьдесят килограммов груза, а взлетал прямо с крыши едущей машины. Запаса топлива хватало на семьсот пятьдесят километров полёта, а в воздухе он мог находиться до шести часов. При этом он спокойно шпарил на высоте в триста-четырёхста метров со скоростью в сто сорок километров в час, но мог

разогнаться и до ста шестидесяти, а если нужно, то и плестись со скоростью всего в пятнадцать километров в час.

Однако, хотя управлять им было легко, очень многие из тех охотников, которые ещё недавно хотели взлететь в небо, быстро успокоились и переключили всё своё внимание на мотоциклы, да только князь сказал им, что это спецтехника и ездить на ней будут только те, кому она нужна больше всего. А ещё князь, экспроприировав новый Ижик, набросился на Игната и потребовал, чтобы тот начал поскорее строить Маленькие Шишиги.

В середине марта вода начала понемногу спадать, и Митяй велел готовиться к выезду. Недавно, в конце февраля, в его жизни случилось самое важное событие – он стал отцом прелестной дочурки, которую назвал Марией. Радость отцовства, конечно, великая вещь, но его терзало смутное и очень неприятное предчувствие относительно судьбы чёрных даргов. Поэтому он решил не задерживаться в городе и отправиться в экспедицию. Таня отнеслась ко всему спокойно. Она понимала, что её муж обязан помогать всем людям, и потому не возражала.

Вообще-то Митяя очень удивляло практически полное отсутствие у народа семейных скандалов. Наверное, всё-таки сказывалось воспитание, что ли. Как мужчины, так и женщины предпочитали работу безделью и праздности, хотя их никто к ней не принуждал. За малыми детьми присматривали деды, бабки и те люди, которые предпочитали работать в мастерских, стоящих рядом с домом. Детьми постарше занимались ведлы-наставники также из числа людей старшего поколения, и, хотя школы уже были построены, занятия в них велись совсем по-другому. Ведлы-наставники по большей части водили своих подопечных на экскурсии в цеха, на фермы, поля и огороды, где работали их родители, а также в лесостепь, где учили их почти тому же, чему учили в детстве их самих. В общем, город Дмитроград жил спокойной и мирной жизнью.

Глава 4

Чёрные дарги и большеголовые туаллады

Десятого апреля караван из восьми Больших Шишиг с баржами на прицепе съехал по широкому пандусу в воды Марии. Несколько минут Большие Шишиги и прицепленные к ним баржи плыли по течению, пока экипажи готовили машины и баржи к плаванию по воде. Наконец понтоны были опущены и закреплены, опущены и подводные крылья, а колёса барж подняты вверх, после чего были выдвинуты кормовые винты, моторы взревели, и Большие Шишиги, быстро набирая скорость, поплыли вниз по реке и спустя несколько минут приподнялись из воды на подводных крыльях, весьма основательно снижая тем сопротивление о воду.

Экспедиции предстояло спуститься по Марии до реки Белой, по ней до Кубани и дальше подниматься по ней вверх по течению до Черкесска. Там они должны будут выбраться из воды, доехать до станции Бекешевской и дальше сплавиться по реке Куме до того места, где во времена Митяя стоял город Минеральные Воды, а от него доехать до реки Малки, довольно полноводной, и уже по ней сплавиться сначала до Терека, а по Тереку почти до Каспийского моря. Это был самый простой, безопасный и быстрый путь на юг. Митяй ещё не знал, смогут ли они заложить город вблизи Апшеронского полуострова.

Из Апшеронска они ехали на Апшеронский полуостров, но в том, что они встретят чёрных даргов по пути туда, Митяй был почему-то уверен наверняка, на все сто процентов.

Именно к этой встрече он и подготовился в первую очередь, хотя и она могла получиться совсем не такой, как ему хотелось бы, но Митяй надеялся на лучшее. Ведлы-мастера брали с собой в дорогу в первую очередь инструмент, разобранное на части оборудование, оставив те детали, которые можно будет изготовить на месте, да ещё кое-какую технику, это были в основном мини-тракторы, лопаты, кирки, топоры, молотки и кувалды, преимущественно без рукояток, пилы, в том числе и большие дисковые, твердосплавные, которые можно было установить на поворотные боковой и фронтальный валы отбора мощности, для пилки ракушечника, гвозди, а также котлы, посуду, одежду и много чего другого, включая семена и даже саженцы фруктовых деревьев и лимонные деревья в горшках. Часть народа ехала в комфортабельных будках Больших Шишиг, а большинство – на верхней палубе барж, под прорезиненными тентами. Погода всё время стояла довольно тёплая, а потому никто из путешественников не рисковал простудиться в дороге. К тому же поездка не обещала затянуться на многие недели. У Митяя и помимо этой экспедиции имелись не менее важные дела. На Урале.

Однако он всё же надеялся уболтать чёрных даргов сменить мечи на орала и переселиться в Дмитроград, чтобы стать в нём нормальными ведлами-мастерами. Он подозревал, что самые смыслёные и потому вменяемые откочевали на юг, а вымерзли самые тупые и злобные. Поэтому он поручил Антону и Игнату срочно подготовить «Марию», на которую установили новый дизель, большую баржу и «Татьяну» для перевозки пассажиров. Антон должен был покинуть Дмитроград через три дня после их отъезда, подняться по Кубани до Кропоткина и ждать их там. В том, что они перевезут туда большое число чёрных даргов, Митяй почему-то не сомневался ни минуты. Он печёнкой чувствовал, что вскоре может разыгаться страшная трагедия, и потому они мчались по рекам на полной скорости, а Большие Шишиги даже против течения плыли со скоростью в двадцать два километра в час. Вниз по течению скорость достигала сорока пяти километров, и потому они добрались до Гудермеса всего за трое суток, где, опустив вниз и закрепив колёса, привели баржи в сухопутное положение, выехали на берег и, подняв понтоны, направились в сторону Махачкалы с куда большей скоростью, чем двигались до этого момента по воде.

Им то и дело попадались мелкие речушки, текущие с гор, которые они форсировали с ходу. Утром четвёртого дня Митяй почувствовал неладное, так как сколько ни вглядывался в степь через бинокль, не видел огромных, свирепых гиенодонтов, отчего в его душу закралось страшное подозрение. Он приказал всем остановиться и срочно готовить к вылету оба автожира. В один сел сам, но не за штурвал, а в правое, пассажирское сиденье, а во второй пассажиром велел сесть Михаилу, повесив ему на каждое плечо по большой сумке с двумя дюжинами взрыв-пакетов. Всем остальным он приказал мчаться на полной скорости к той точке на нарисованной им карте, где горы подходили почти вплотную к морю, к Махачкале, и если будет такая возможность, то ехать дальше к Дербенту по берегу или плыть по морю вдоль берега. Вряд ли ландшафт изменился там очень уж основательно, а раз так, то между морем и горами имелось достаточно пространства, и, возможно, где-то там какие-то ведлы решили устроить для чёрных даргов ловушку, собрав огромную стаю гиенодонтов.

Митяй ещё в прошлом году подумал, что, скорее всего, чёрные дарги были родом из Куринской низменности и прилегающему к ней предгорью. Турнуть их оттуда вполне могло какое-то большое и очень сильное племя, притопавшее из Ирана, после чего чёрные дарги, изгнанные из родных мест, пройдя через степи, кишасшие гиенодонтами, и сами озверели. Вернуться домой они точно побоялись, а значит, укрывшись от зимы за Дербентом, снова могли привлечь к себе внимание прежних гонителей, и если те собрали где-то здоровенную стаю гиенодонтов, то гнали их навстречу чёрным даргам, что должно было для них очень плохо кончиться.

Перед вылетом Митяй проинструктировал обоих пилотов, как им действовать, если дело обстоит именно так, как он думает. Те его прекрасно поняли, и они взлетели прямо с крыш будок, а машины поехали, набирая скорость. Пилоты быстро набрали высоту и легли на курс. Митяй летел в головном автожире, показывая Игорю Стальному, его пилоту, куда тот должен править. Внизу мелькала пышная зелёная растительность, и, судя по тому, что даже гиганты эласмотерии забрались в предгорья, по степи действительно прошла громадная стая хищных и свирепых гиенодонтов. Вот только кто их гнал? Ясно, что ведлы, но какого рода-племени?

Через полтора часа Митяй получил ответ на этот вопрос и даже облегчённо вздохнул. Большой отряд косматых карателей ещё находился на марше, и его вели к цели добрых три дюжины очень странно одетых ведлов, сидевших верхом на гигантских верблюдах в двухместных сёдлах. На переднем седле сидел собственно наездник, а на заднем – ведл-поводырь с говорящими камнями, которыми он приманивал гиенодонтов и одновременно держал их на дистанции метров в триста. Верблюды же, построенные в одну шеренгу, бежали свежей рысью, совершенно не обращая внимания на гиенодонтов, хотя и были для этих гигантских хищников лакомой добычей. Всего ведлы собрали стаю примерно в полторы тысячи голов с огромными клыками, и та бежала за ними, издавая приглушённое злобное рычание. Однако самым странным всё-таки оказалось одеяние ведлов, совершенно не соответствующее каменному веку. Они были одеты в длинные кожаные куртки серовато-синего цвета с нашитой на них крупной медной чешуёй, в кожаные красные штаны и такие же сапоги, а на их головах красовались ещё более странные головные уборы в виде круглых серовато-белых тюрбанов, примотанных к голове, шее и подбородку широкими белыми лентами. Ведлы были так сосредоточены на своём камлании, что даже не обратили внимания на два автожира, летящие к ним.

А зря. Митяй, как только они, снизив скорость, долетели до шеренги верблюдов, сразу же швырнул вниз взрывпакет. Тот взорвался чуть ли не под самой задницей у гигантского верблюда, и это огромное животное весом тонны в две с половиной подпрыгнуло на всех четырёх ногах и стремительно рвануло вперёд и только потом взревело дурным голосом. Ещё несколько взрывов – и все верблюды унеслись вдаль, ревя так, что гиенодонты встали как вкопанные. Но как только и у них перед мордами громыгнули взрывпакеты, моментально развернулись и, утратив ведловское управление, помчались обратно в степь. Щенков среди них не было, а

потому все кланы удирали с бешеной скоростью и таким чудовищным воем, что Митяй подумал: «Вот и чешите, злобные твари. Бегите хоть до Северного Ледовитого океана, а там по льдам в Америку, а мы здесь и без вас проживём как-нибудь». Оба пилота, хохоча во всё горло, быстро развернулись и полетели вслед за ведлами, трясущимися на обезумевших верблюдах. Километров через двадцать пять они их нагнали. Наездники всё-таки совладали с животными и даже собрались уже вместе, поэтому им на головы снова посыпались взрывпакеты, отчего верблюды снова мгновенно разбежались в разные стороны, однако ни один всадник с них не свалился. В седле они держались как влитые. Настоящие кавалеристы.

Ещё во время первой атаки Митяй обратил внимание, что ведлы вооружены копьями с медными наконечниками и луками, но на охотников всё же не походили из-за своих примитивных кожаных доспехов. Скорее всего, это были всё-таки воины, и это ему очень не понравилось. Как говорится, не было печали, так черти накачали. На всякий случай, чтобы жизнь не казалась этим зловредным ведлам-садистам, решившим учинить форменный геноцид в каменном веке, мёдом, Игорь и Степан, пилоты автожиров, причём пилоты совершенно безбашенные, как и оба их пассажира, добрых полчаса гоняли их по степи, пока те не рванули в предгорья. Тогда авиаразведка набрала высоту и полетела дальше.

Через два с лишним часа полёта, километрах в двадцати за Дербентом, Митяй увидел большую толпу полуголых чёрных даргов численностью до четырёх тысяч человек, бегущую к Дербентскому проходу. Её подгоняла армия наездников не менее чем на полутора тысячах верблюдах, тысячи эдак в три копии, так как на некоторых сидело по три человека. Они гнали чёрных даргов навстречу страшной смерти, как диких зверей, выдвинувшись левым флангом вперёд и не давая убежать в горы. Двигались загонщики, похоже, с таким расчётом, чтобы где-то возле Дербента столкнуть их лоб в лоб с гиенодонтами. Вот тогда вряд ли кто из чёрных даргов смог бы выжить, будь он даже трижды ведл. Среди чёрных даргов Митяй увидел также аларок с детьми на руках, некоторые дарги тоже несли малышей лет трёх-четырёх и помогали бежать детям постарше, причём явно полукровкам. Оба автожир снизились и полетели навстречу чёрным даргам, которые на поверку оказались черноволосыми, но отнюдь не чернокожими. Те смотрели на сверкающих полированным титаном птиц с мольбой во взгляде, видимо мечтая о помощи свыше, и она к ним пришла. Преследователи даргов держались от них на расстоянии в два километра. Они тоже заметили сверкающих птиц. На этот раз Митяй решил изменить тактику и первым делом взял в руки «тигра», перед этим высмотрев в бинокль командира большеголовых даргов, – так он мысленно прозвал наездников на верблюдах. Попросив Игоря развернуть автожир боком к шеренге и лететь на самой малой скорости, он сначала рассмотрел врага в оптический прицел – тот сидел в роскошном седле, – но затем, усмехнувшись, прицелился в голову гордо шествующего по траве верблюда и выстрелил. Пуля угодила верблюду точно в лоб, и тот мигом киданул хвоста, запахав мордой в траву, а урюк в белом тюрбане чебурахнулся с него и покатылся кувырком, но мигом вскочил на ноги, истошно завопил и рванул наутёк. Видно, смекнул, что загонная охота на двуногую дичь закончилась и ему самое время делать с неё ноги. Двое явно охранников на верблюдах, ехавшие справа и слева от своего командира, мгновенно развернулись и помчались за ним, удирающим во все лопатки. Догнав, один сбросил самую настоящую верёвочную лестницу, и тот мигом взобрался по ней на верблюда. Наездник завопил диким голосом, и гигантский верблюд высотой в добрых четыре метра бешеным галопом помчался в сторону Ирана, наверное, мыть ноги то ли в Персидском, то ли Ормузском заливе.

Митяй методично расстрелял три обоймы и завалил ещё двадцать два верблюда, промазав по остальным, и только потом пустил в ход взрывпакеты. Однако наездники на верблюдах принялись удирать гораздо раньше, ещё тогда, когда он занимался заготовкой мяса. Чёрные дарги не выглядели слишком сытыми, похоже, что их гнали не один день. Когда с неба загрохотали выстрелы и стали падать верблюды, чёрные дарги, пробежав несколько десятков метров,

повалились в траву, но некоторые остановились и потому смогли увидеть, как от сверкающих птиц, бросающих на землю яркий огонь и грохот, – Митяй специально взял такие взрывпакеты, которые содержали магниевые опилки, – удирают их преследователи. Как только последний гигантский верблюд умчался с исступлённым рёвом, он жестом показал Михаилу, чтобы тот летел за подмогой, и приказал Игорю заходить на посадку рядом с толпой насмерть перепуганных людей.

Митяй, одетый в офицерский камуфляж, выбрался из автожира, оправил на себе форму и чуть ли не строевым шагом направился к беженцам. Он уже высмотрел в толпе аларку лет тридцати, прижимающую к груди полуторогодовалого малыша, – чёрные дарги бросили не всех детей и женщин, – подошёл к ней поближе и громко крикнул по-аларски:

– Женщина, скажи чёрным даргам, что я прогнал большеголовых и они больше не вернутся. Я убил много больших животных и их можно съесть. Скоро сюда приедут даргсу, желтоголовые дарги и алары из моего племени. Их привезут мои огромные сверкающие живые камни. Пусть дарги не пугаются. Они их не обидят. Всё, чёрных даргов больше никто не обидит, я беру их под свою защиту. Я большой ведар. Мне можно верить.

Аларка попыталась передать его слова, но только слабо прохрипела. Митяй снял с пояса фляжку, в которую был налит сладкий травяной чай с коньяком, отвинтил крышку, отпил глоток и протянул её женщине, губы которой запеклись, глаза были красными от усталости, под ними залегли чёрные круги, а щёки ввалились. Она жадно выпила несколько глотков и вслед за этим принялась поить своего хнычущего сына. Тот сделал несколько глотков и быстро успокоился. Хотя коньяка в чае было и немного, это всё-таки коньяк, а не сгущёнка. К фляжке жадно потянулась вторая женщина, помоложе, наполовину аларка, и Митяй кивнул. Аларка отпила ещё пару глотков, отдала фляжку подруге и заговорила громким, сильным голосом, но сказала раза в три больше слов, чем Митяй, которые явно приободрили чёрных даргов, и те стали подтягиваться к нему, а некоторые уже поглядывали в сторону убитых верблюдов. Голод не тётка.

Однако гораздо раньше, чем дело дошло до свежевания верблюдов, к чему уже приготавливался Игорь, подспела помощь на восьми Больших Шишигах, и вскоре в толпе беженцев, ноги которых были сбиты в кровь, расхаживали медсестры и медбратья, раздавая всем варёное мясо с ещё не успевшими зачерстветь в камень лепёшками и большие кружки с холодным сладким чаем. Князь Михаил зычным голосом приказал разгружать Большие Шишиги, колёсные баржи и становиться лагерем. Неподальку, километрах в трёх, протекала горная речка с чистой водой, через которую недавно перебежали беженцы, даже не успев напиться, вот на её-то берегу они и разбили в два часа пополудни лагерь.

Верблюдов освежевали, из барж выгрузили большие котлы, под них поставили соляровые горелки, и, пока варился обед и грелась вода, переселенцы разбили палаточный лагерь, в который стали переводить, а иногда и переносить измученных долгим переходом людей. Митяй почти сразу же обратил внимание, что среди них нет ни одного мужчины или женщины старше сорока и что все они отличаются от тех чёрных даргов, которых он видел раньше, в лучшую сторону. У этих были куда более доброжелательные лица.

Снова найдя ту женщину, с которой заговорил, он увидел, что ей уже промыли раны на ногах, смазали их зелёной и перебинтовали, а заодно переодели её в тёплые колготы, штаны, рубаху из тончайшей замши, замшевое платье зелёного цвета, куртку и даже обули в высокие ботинки. Кажется, даже помыли. Её малыша точно не только накормили, но и выкупали, одели с иголки и даже вручили ему большую яркую погремушку и уложили спать в импровизированную люльку из корзины. Митяй усадил женщину за стол, перед ней поставили тарелку с жареным мясом и картошкой, широкую кружку с шулюмом, положили на тарелку пару лепёшек и вложили в руку ложку. Митяй, пустив в ход ведловские приемы, принялся учить её есть ложкой и попутно стал задавать те вопросы, на которые давно хотел получить исчерпывающие ответы.

Честно говоря, Митяй обалдел от услышанного. Латана – так звали женщину – попала в плен к чёрным даргам в возрасте лет шестнадцати-семнадцати. Она была хоть и не слишком могущественная, но всё же ведла и потому ходила на ближнюю охоту вместе с тремя молодыми охотниками. Их захватили в плен всех четверых, но не для того, чтобы убить, а чтобы отвести в племя вынужденных переселенцев с чисто прозаическими целями – только ради продолжения рода. Чёрные дарги жили небольшими кланами по пятьдесят-шестьдесят человек, но пять-шесть таких кланов всегда находились неподалёку друг от друга, и, что самое главное, они никогда не задерживались на одном месте больше десяти дней. Спутников Латаны увели в другие кланы, причём далеко, и она их больше никогда не видела. Через некоторое время она выучила язык чёрных даргов и стала общаться с ними. Первое, что она узнала, – это то, что среди чёрных даргов есть обычные, нормальные дарги, но есть и другие, могучие, но, если честно, ещё и бешеные, как мужчины, так и женщины. Все они были, как правило, сильными ведлами, обладали гораздо большей физической силой, но при этом имели странную особенность – не могли иметь детей друг от друга, зато имели их от обычных даргов, а также от аларок. Такие женщины также могли зачать только от обычного дарга или от алара, но у них рождались обычные дети и только изредка такие же, как и их мать, так что могучих даргов было меньше.

Когда-то чёрные дарги жили в тёплом краю, где зимой довольно часто вообще не бывает снега, а если он и выпадает, то через день тает. Там была очень хорошая охота, в земле росло много сладких корней, часто встречались большие сладкие плоды, лежащие прямо на земле, и чёрные дарги жили припеваючи, пока с юга в их долину не приехали на огромных животных большеголовые дарги. Они все были великими ведлами, умели творить чудеса и поклонялись не духам, а какому-то великому богу. Большеголовые дарги умели делать удивительные вещи – у них были копья с блестящими красными наконечниками, которые никогда не разбивались, а охотились они, пуская палками в животных быструю свистящую смерть. Ещё они умели строить большие шатры не из костей и шкур, а из дерева. Сначала они жили рядом, места ведь всем хватало, но большеголовых даргов прибывало всё больше и больше, их стойбища увеличивались с каждым днём, и вскоре они велели чёрным даргам уходить из этих мест и больше никогда не возвращаться. Они убили своей свистящей смертью самых сильных могучих даргов, а остальным сказали, если те станут жить на одном месте больше десяти дней, то их ведлы об этом сразу узнают, придут туда и убьют их потому, что им теперь никогда нельзя останавливаться. Так, мол, велел их великий бог, и они должны ему повиноваться.

Сначала чёрные дарги хотели уйти вверх по двум рекам, сливающимся в одну и впадающую в море, но большеголовые дарги – а головы у них действительно были больше, чем у обычных людей, – сказали, что они должны идти краем моря на север и никогда не останавливаться больше чем на десять дней. Чёрным даргам ничего не оставалось делать, как покориться своей участи и уйти на север. Их было очень много, но когда они дошли до большой травы, то едва смогли спастись, – такие огромные хищные звери жили там. Только уйдя ещё дальше на север и дойдя до берега огромной реки, они смогли прийти в себя после пережитого страха. Их стало почти наполовину меньше, но в тех краях, куда они пришли, охота была совсем другой, и к тому же там уже жили другие племена. И тогда чёрные дарги сказали, что им всем нужно ходить большими кругами, чтобы обмануть ведлов большеголовых даргов. Однако из-за этого чёрные дарги стали часто заходить на охотничьи территории других племён, а поскольку были здесь чужаками и не знали языка местных, то могучие дарги, которые чаще других ходили на охоту, не сумев ни о чём договориться, иногда просто убивали тех охотников, которые пытались им что-то доказать или объяснить.

Вместе с чёрными даргами на юге жили также и несколько больших племён аларов, с которыми они никогда не враждовали, и те охотно делились с ними свежей кровью, чтобы могучие, пусть даже бешеные, чёрные дарги не исчезли. Вот их большеголовые дарги не стали прогонять. На новых землях чёрные дарги вскоре стали врагами всех остальных племён, и

даже после того, как они, захватив в плен нескольких мужчин и женщин, немного изучили их языки, с ними никто не хотел делиться кровью. Поэтому могучие дарги были просто вынуждены захватывать мужчин и женщин силой, когда те отправлялись на охоту, ведь им не было равных в силе, ловкости и быстроте. Многие племена ушли на север, а чёрные дарги стали ходить кругами вокруг Солёного озера, а некоторые группы кланов даже стали перебираться на другой берег Великой реки, когда та замерзала. Потом чёрные дарги узнали, что однажды наступит лютая зима, и раз они не строят больших жилищ, как раньше, и не заготавливают на зиму дрова и мясо, то все умрут. Со смертной тоской в глазах и злобой на всех остальных людей они жили и ждали своего последнего часа. Когда пришло время лютой зимы, то очень многие обычные чёрные дарги и некоторые могучие решили, что нужно возвращаться на юг, чтобы не замёрзнуть, но идти не по степи, а вдоль гор, где не охотились на больших зверей огромные маха-маха. Остальные могучие дарги сказали, что они останутся. Что с ними случилось, Латана не знает, но догадывается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.